

УДК 94 (47)

МУКДЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ДНЕВНИКЕ В.П. КРАВКОВА

© М.А. Российский

Статья предваряет готовящуюся в 2016 г. публикацию записок военного врача В.П. Кравкова (1859–1920), автора известного дневника периода Первой мировой войны, о своем участии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В нее включен значительный фрагмент этого исторического памятника, посвященный Мукденскому сражению и последующему отступлению русских армий на Сыпингайские позиции, который охватывает временной период с 17 февраля (2 марта) по 5 (18) марта 1905 г.

Ключевые слова: Русско-японская война, Мукденское сражение (1905), 35-я пехотная дивизия, военная медицина, В.П. Кравков, А.А. Бильдерлинг.

THE BATTLE OF MUKDEN IN VASILY KRAVKOV'S DIARY

© М.А. Rossiyskiy

The article anticipates the forthcoming in 2016 publication of diaries of a military doctor Vasily Kravkov (1859–1920), author of well-known memoirs of the First World War period, describing his participation in the Russo-Japanese War of 1904–1905. It contains a large fragment of this historical monument devoted to the Battle of Mukden and the following retreat of the Russian armies to Siping positions, which covers a period from 17 February (2 March) to 5 (18) March 1905.

Key words: Russo-Japanese War, Battle of Mukden (1905), 35th Infantry Division, military medicine, Vasily Kravkov, Alexander von Bilderling.

Имя военного врача Русской императорской армии Василия Павловича Кравкова (1859–1920) уже достаточно хорошо известно отечественным военным историкам. Публикация его дневников за 1914–1917 гг. стала одним из источниковедческих открытий 100-летнего юбилея Первой мировой войны, отмечавшегося в прошлом году¹. В 2016 г. в московском издательстве «Вече» готовится к выходу в свет первое издание его записок, относящихся к периоду Русско-японской войны 1904–1905 гг., которые также будут интересны для исследователей этого исторического периода.

В.П. Кравков – представитель одной из ярчайших научных династий Рязанского края, давшей нашей стране основоположника отечественной школы фармакологов академика Н.П. Кравкова (1865–1924), почвовед-агрохимика С.П. Кравкова (1873–

1938), выдающегося психофизиолога С.В. Кравкова (1893–1951), а также писателя и исследователя Сибири М.А. Кравкова (1887–1937)². Василий Павлович родился в Рязани 20 февраля (3 марта) 1859 г. Происходя из семьи скромного достатка (его отец был унтер-офицером николаевского времени и служил старшим писарем в Управлении Рязанского губернского воинского начальника), он все же сумел получить достойное образование. В 1878 г. В.П. Кравков окончил с серебряной медалью 1-ю Рязанскую мужскую гимназию, в 1878–1883 гг. учился в Императорской военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

Вся последующая жизнь В.П. Кравкова была посвящена военной медицине. В ноябре 1883 г. он начал службу по военному ведомству с должности младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка, откуда до конца года был переведен в 159-й пе-

¹Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с. (Военные мемуары).

²О них см.: Узбекова Д.Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2014. 352 с.

хотный Гурийский полк. В 1884–1885 гг. В.П. Кравков был прикомандирован к Оренбургскому военному госпиталю, а с 1886 г. – к Оренбургскому местному батальону, в котором со следующего года исполнял обязанности старшего врача. С февраля 1888 г. он нес службу в Казанском военном госпитале, где стал врачом-ординатором. В феврале 1888 г. В.П. Кравков был произведен в титулярные советники³ (со старшинством с 1883 г.), в мае за выслугу лет – в коллежские асессоры (со старшинством с 1886 г.). В 1888 г. он успешно сдал экзамен на степень доктора медицины при Императорском Казанском университете.

В 1889 г. В.П. Кравков был откомандирован в Императорскую военно-медицинскую академию «для усовершенствования в науках». 31 января (11 февраля) 1891 г. постановлением конференции Императорской военно-медицинской академии коллежский асессор Кравков, старший врач 11-го Гренадерского Фанагорийского полка, был удостоен степени доктора медицины. В марте 1891 г. Василий Павлович был произведен в чин надворного советника.

С 1892 г. В.П. Кравков был женат на Елене Алексеевне Лукиной (1871–ок. 1922), потомственной дворянке Рязанской губернии. В семье было двое детей – сын Сергей, ставший в будущем известным советским ученым, членом-корреспондентом АН и АМН СССР (1946), заслуженным деятелем науки РСФСР (1947), и дочь Елизавета (1895–1978).

В последующие годы В.П. Кравков занимал должности старшего врача 137-го пехотного Нежинского полка (1892–1895), Брянского местного арсенала (1895–1896), 138-го пехотного Болховского полка (1896–1899). В 1899–1900 гг. он служил старшим врачом сводного лазарета 1-й бригады 35-й пехотной дивизии, штаб которой располагался в его родной Рязани.

В 1900 г. Василий Павлович занял должность дивизионного врача 35-й пехотной дивизии, а в следующем году был про-

изведен в статские советники – чин V класса по «Табели о рангах», соответствовавший в армии полковнику. В этом качестве ему довелось принять участие в Русско-японской войне – первом крупном конфликте, в котором участвовала императорская Россия в XX веке.

С июня 1904 г. статский советник Кравков, дивизионный врач 35-й пехотной дивизии, находился в рядах действующей армии в Маньчжурии. В течение первого года войны он стал свидетелем и участником Ляоянского сражения и обороны Шахэйских позиций. Все это время Василий Павлович вел «военно-походный дневник», в который записывал ежедневные впечатления, наблюдения и переживания. Он задумал его как своеобразное загробное напутствие детям в случае своей гибели на войне. Забегая вперед, необходимо сказать, что с войны В.П. Кравков вернулся целым и невредимым, став за ее годы автором исторического источника, ценность которого становится понятной только сейчас, по прошествии более ста лет.

С октября 1904 г. дивизионный лазарет 35-й пехотной дивизии располагался у станции Суцзятунь (в передаче В.П. Кравкова – *Суютунь*) Южно-Маньчжурской железной дороги, в нескольких десятках верст к югу от Мукдена. Из пристанционного поселка русские военные врачи с тревогой наблюдали за начавшимся 6 (19) февраля 1905 г. Мукденским сражением, ставшим крупнейшей наступательной операцией японских войск за все время Русско-японской войны.

Публикуемый фрагмент дневника В.П. Кравкова начинается описанием реакции тылов 3-й Маньчжурской армии на обходной маневр 3-й японской армии генерала М. Ноги, преследовавший цель охвата русских армий и их последующего окружения в районе Мукдена, а также на начавшиеся 16 февраля (1 марта) 1905 г. атаки 2-й японской армии генерала Я. Оку на позиции 2-й Маньчжурской армии к юго-западу от Мукдена. Начатое 22 февраля (7 марта) отступление русских армий с целью сокращения фронта сопровождалось эвакуацией тылов, коснувшейся и медицинских учреждений, которыми руководил

³Медики Русской императорской армии считались одной из категорий военных чиновников, поэтому им присваивались гражданские чины Табели о рангах.

В.П. Кравков. При отходе от Мукдена 25 февраля (10 марта), осуществлявшемся довольно беспорядочно и неорганизованно, обозы русских армий были обстреляны японской артиллерией, что еще более усугубило атмосферу всеобщей паники. Этот момент дневника В.П. Кравкова перекликается с автобиографической повестью В.В. Вересаева «На японской войне» (1907) – писатель, служивший в то время врачом

Рис. 1. В.П. Кравков в Маньчжурии. 1905 г.

одного из полевых госпиталей, приданных 72-й пехотной дивизии, отступал вместе с обозами VI Сибирского армейского корпуса по тем же дорогам, поэтому описал в своем произведении те же события, что и В.П. Кравков.

Несмотря на то, что предпринятая японским командованием попытка окружения русских армий не увенчалась успехом, оставление Мукдена и беспорядочное отступление к Телину а затем и к Сыпингайским позициям, сопровождавшееся катастрофической дезорганизацией органов армейского управления, серьезно подорвало дух войск и деморализовало все русское общество, способствуя углублению революционного кризиса в стране, и вместе с гибелью 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском сражении оказало решающее влияние на общий исход войны.

Лично для В.П. Кравкова Русско-японская война закончилась довольно успешно. За умелое руководство дивизионным лазаретом и приданными дивизии полевыми госпиталями в боевых условиях В.П. Кравков был награжден тремя орденами «с мечами» – Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней. В 1906 г. он был произведен в действительные статские советники – гражданский чин IV класса, соответствовавший армейскому генерал-майору. Однако горький опыт неудачной кампании в Маньчжурии навсегда подорвал его веру в боевые возможности Русской императорской армии. Участвуя в Первой мировой войне сначала в должности корпусного врача 25-го армейского корпуса, в октябре 1914 – декабре 1915 гг. – в качестве помощника санитарного отдела штаба 10-й армии, а в 1916–1917 гг. – корпусного врача VII Сибирского корпуса, В.П. Кравков комментировал в своих дневниках действия русских войск с едким скепсисом, постоянно ожидая тяжелых военных поражений. Но начавшееся после Февральской революции 1917 г. разложение армии превзошло по своему размаху и последствиям все его самые мрачные прогнозы...

Жизнь В.П. Кравкова трагически оборвалась в Москве 13 июля 1920 г. Умереть ему пришлось не своей смертью, а по при-

Рис. 2. Штаб 35-й пехотной дивизии. Сидят (слева направо): С.А. Сухомлин, К.А. Добржинский, В.П. Кравков). Август 1904 г.

говору Президиума ВЧК... Вечным памятником ему навсегда останутся его интереснейшие записки о двух последних войнах Российской империи – Русско-японской и Первой мировой.

Текст дневника В.П. Кравкова воспроизводится по рукописному оригиналу (РГБ, НИОР, ф. 140, к. 2, ед. 12, лл. 19–22; ед. 13, лл. 1–17; ед. 14, лл. 1–6; ед. 15, лл. 1–25 об; ед. 16, лл. 1–8 об; ед. 17, лл. 1–3) с небольшими сокращениями и публикуется впервые.

Автор публикации признателен 2-му секретарю Первого департамента Азии МИД России Д.Н. Шакуре за помощь в идентификации упомянутых в тексте населенных пунктов юго-восточного Китая.

ИЗ ДНЕВНИКА В.П. КРАВКОВА 1905 год

17 февраля.[...] С 4-х часов вечера неожиданно для всех слышалась вдруг жестокая оружейная пальба в необычном месте – сзади нас и с западной стороны от *Мукдена*

*на*⁴. Повытянулись у всех от удивления лица... Все сразу поняли, в чем теперь дело. У всех на языке было одно полное панического ужаса выражение: «Нас обходят японцы!» Ну и артистическую же штуку проделали над нами желторожие: отвлекши демонстративными действиями наши силы к восточному флангу и к центру, они быстро и незаметно прошли по нейтральной полосе почти до *Синминтина* и теперь ударили нам в тыл! Поспешно стали складываться отряды Красного Креста, чтобы скорее отойти к *Мукдену*. В большом переполохе старик Виноградов, временно исполняющий должность дивизионного врача 3-й пехотной дивизии; от страха он был в полувменяемом состоянии, без толку бегал то туда, то сюда, и, пугаясь встававшей в его воображении перспективы быть эту ночь окруженным японским кавалерийским разездом, по-товарищески спрашивал меня, как ему поступить. Я же, как ни стран-

⁴ Мукден – главный город Маньчжурии, крупнейший населенный пункт северо-восточного Китая. Ныне – Шэньян, город субпровинциального значения, административный центр провинции Ляонин (КНР).

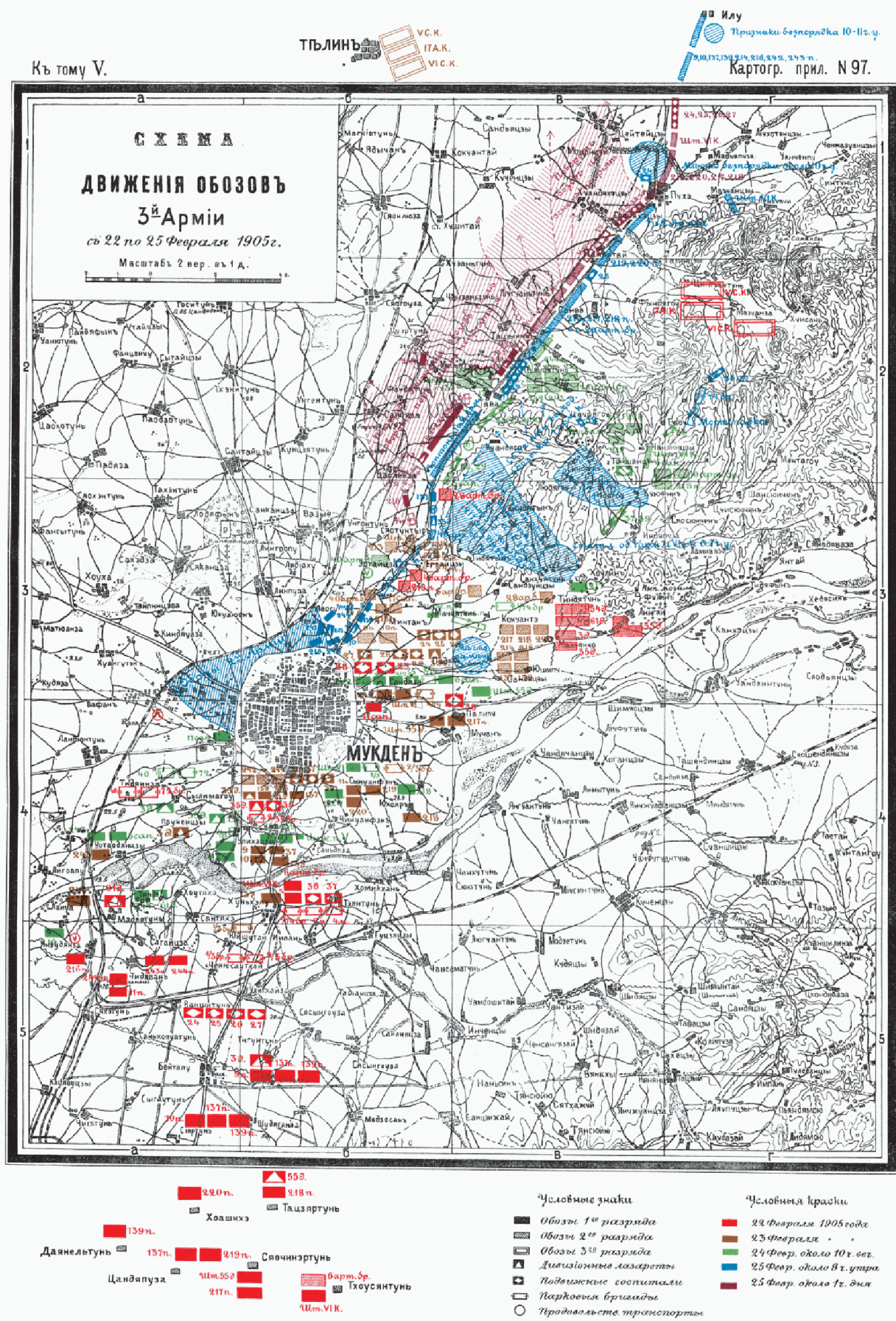

Рис. 3. Схема движения обозов 3-й Маньчжурской армии при отступлении от Мукдена. Февраль 1905 г.

но, несмотря на то, [...] что перед нами действительно развевалась весьма трагическая картина легко могущего случиться нашего или пленения, или избиения, все же настолько сумел затаить свою личную тревогу глубоко на сердце, что казался для окружающих мало того, что покойным, но и даже в ударе – в чрезвычайно приподнятом настроении духа, все время улыбался, смеялся, шутил и видел, что своим поведением я сильно подбадривал других. Своему бедному коллеге в случае нападения кавалеристов я посоветовал никоим образом не стрелять, надеть на себя и весь санитарный персонал нарукавные повязки с красным крестом. Доказывал затем ему еще, что не беда будет, если попадемся и в плен, – только бы живыми остаться; рисовал ему также – и, вероятно, в очень сочных красках – как мы будем проводить время в Японии с прекрасными гейшами в чайных домиках и проч., что мой коллега просиял и успокоился. На расставании он убедительно меня просил только об одном – чтобы я непременно не забыл его уведомить о моменте, когда и я с своим учреждением начну поспешное *allegro udirato*. Я дал слово. Молодые мои коллеги совсем повесили носы на квинту, сделавшись не в меру задумчивыми и серьезными. А я все продолжал *faire bonne mine*⁵ при сознании всей серьезности нашего положения, что мы оказались как бы попавшими в мышеловку.

Прибывший с правого фланга подполковник сообщил, что *Даванганьпу*⁶ нами оставлен, равно и *Матурань*⁷, которую при отступлении мы зажгли. На западном горизонте действительно пылало огромное зарево. Проходя по станции, встретил группы офицеров; лица у всех озабоченные и встревоженные; делятся друг с другом по поводу происшедшего для нас сюрприза разными соображениями и сведениями самого мрачного характера, наводя самую жестокую критику на действия начальства.

⁵делать хорошую мину (фр.)

⁶Даванганьпу (правильнее Ванганпу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁷Матурань (правильнее Матоулан) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

«Я б этих генералов наших (здесь следует крепкое словечко!) всех бы послал сидеть в окопах», – говорит один. «Да, – соглашается другой, – ведь в них-то и вся причина наших систематических неудач». «А то, – говорит третий, – только и знают (т. е. генералы), что любуются в бинокль, усаживаясь, как в театральной ложе, на вышке (опять – крепкое слово)». Пригласил меня к себе в вагон командующий армией Бильдерлинг⁸; застал его в состоянии нервной взвинченности и чувствующим себя весьма не по себе. Прописал ему, что надо, все более и более убеждаясь, что мои посещения его всегда приободряют. От него узнал, что сейчас посылаются в подкрепление нашим силам, действующим против обходной японской колонны, из нашей дивизии – Болховский⁹ и Зарайский¹⁰ полки, а из 3-й дивизии – Великолуцкий полк¹¹. Билдерлинг уверяет, что Каульбарс¹² взял у японцев 17 орудий и еще какие-то трофеи. На мой вопрос, что и как в общем дела у нас, отвечал с напускным оптимизмом, что-де, собственно говоря, ничего, только вот японцы лишь здорово нас обошли, что уж больно мы растянули свой фронт, и что на днях должны произойти решительные битвы. Нынешняя ночь, ожидает он, будет беспокойна.

Когда я пришел домой к ужину, сослуживцы мои, зная, где я сейчас был, обсту-

⁸Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1912) – барон, генерал от кавалерии (1901), командир 17-го армейского корпуса в 1899–1905 гг. В 1905 г. временно командовал 3-й Маньчжурской армией. Член Военного совета в 1905–1912 гг. Был хорошим художником-акварелистом, по его эскизам был установлен ряд памятников, в частности – Нахимову и Тотлебену в Севастополе, Пржевальскому – в Санкт-Петербурге, коменданту Келину в Полтаве и др. Организатор Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге (1883).

⁹138-й пехотный Болховский полк.

¹⁰140-й пехотный Зарайский полк.

¹¹12-й пехотный Великолуцкий полк

¹²Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929) – барон, генерал от кавалерии (1901), командующий 3-й Маньчжурской армией с октября 1904 по март 1905 г., командующий 2-й Маньчжурской армией с марта по август 1905 г. Впоследствии – член Военного совета в 1909–1915 гг., участник Первой мировой войны и Белого движения в составе ВСЮР, с 1920 г. в эмиграции во Франции.

Рис. 4. А.А. Бильдерлинг

пили меня и стали засыпать вопросами. Я, чтобы поднять дух всех, прикинулся насчет текущих дел вполне осведомившимся через командующего армией и стал уверять, что мои именины (28 февраля) мы-де будем непременно встречать если не в *Хайчене*¹³, то, по крайней мере, в *Ляояне*¹⁴, и что скоро мы пропишем японцам такую трепку, уму помрачение и прочее в этом роде.

Предчувствие готовящейся для нас большой катастрофы как-то не ложилось тяжелым гнетом у меня на душе, будучи компенсируемо пытливым ожиданием чего-то чрезвычайно интересного совершится и желанием изведать, испытать все, кроме смерти [...]

Генерал Орлов¹⁵, начальник 3-й дивизии, чинит методическую травлю на вра-

Рис. 5. Н.А. Орлов

чей. Кроме того, в приказах по дивизии диктует им для обязательного применения свои рецепты лечения сибирской язвы! Невероятный, но факт!

По приказанию главнокомандующего сегодня уезжают из *Суятуня*¹⁶ последние остатки сестер милосердия.

11 часов ночи. Канонада затихла. Японцы страшно нас наблюдают прожекторами (как говорят – нашими же, взятыми из *Порт-Артура*¹⁷). То и дело ночами по небу ползают их широкие, шарящие из стороны в сторону лучи, при попадании в поле которых так всегда себя чувствуешь жутко!

Прочитал, что у японцев офицеры и генералы пользуются гораздо меньшим комфортом, чем наши. Жалованья получают значительно меньше, чем у нас, и на войне одинаково, что и в мирное время, только лишь на войне полагается им, как и солдатам, казенное белье, мундир и прочая амуниция. Ояма¹⁸ будто бы получает 6000 руб-

¹³Хайчен (правильнее Хайчэн) – город в Маньчжуррии (Китай), ныне городской уезд в провинции Ляонин (КНР).

¹⁴Ляоян – город в северо-восточном Китае, ныне городской округ в провинции Ляонин (КНР). Был оставлен русскими войсками после Ляоянского сражения в августе 1904 г.

¹⁵Орлов Николай Александрович (1855–1917) – генерал-майор (1899), начальник 54-й пехотной дивизии с июня по сентябрь 1904 г. В ноябре 1904 г. – и.д. дежурного генерала штаба 1-й Маньчжурской армии. Генерал-лейтенант (1905), начальник 3-й пехотной дивизии в 1905–1910 гг. Впоследствии – участник Первой мировой войны, генерал от инфантерии (1914).

¹⁶Суятунь (правильнее Суцзятунь) – станция Южно-Маньчжурской железной дороги при одноименной деревне к югу от Мукдена, ныне район города Шэньяня.

¹⁷Порт-Артур – портовый город и военно-морская база на Ляодунском полуострове. В 1898–1904 гг. находился в аренде у России, после продолжительной обороны капитулировал перед японскими войсками 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г.). Ныне Люйшунь, район городского подчинения города субпровинциального значения Далянь (КНР).

¹⁸Ояма Ивао (1842–1916) – маркиз (1895), маршал (1898), в 1899–1904 гг. – начальник японского Генерального штаба, автор плана войны с Россией и подготовки японской армии к кампании. В 1904–

Рис. 6. Ивао Ояма

лей в год! А наши-то чернильные генералы? И много получают, и ничего, кроме вреда делу, не приносят!

18 февраля. 12°¹⁹ мороза, тихо, ведрено. Днем на солнышке, надо ожидать, будет тепло. Ночь прошла тихо; спал покойно, и кишечник мой ведет себя исправно. Около 7 часов утра засел за чай и газету. Часов с 8 началась неистовая беспрерывная канонада – на правом нашем фланге и в тылу к северо-западу от *Мукдена*, куда зашли хитроумные японцы, чтобы отрезать нам отступление. По сведениям – между *Мукденом* и *Синминтином* японцев скопилось до двух дивизий (количественный же состав их дивизий больше наших чуть ли не вдвое) с артиллерией и кавалерией. Прошли они в отместку нам по той же нейтральной полосе, по которой несколько раз совершал свой рейд Мищенко²⁰. Как это глубоко при-

скорбно, что мы до сих пор никак не могли перейти в действительное наступление, а вынуждены были все время лишь отбиваться да отбрыкиваться, так как ловкие японцы всегда успевали нас предупреждать, отвечая на наши нерешительные попытки к наступлению энергичным контр наступлением с своей стороны.

Побывал на полковых перевязочных пунктах. У военных предрежащих властей обнаруживается прямо-таки какое-то сладострастное садическое желание ставить врачей в невозможные условия для их деятельности – в обстреливаемое положение, сажая их в вырытые эти по названию только «блиндажи», которые для себя лично умеют устраивать более надежными и основательными. Просидеть в бутафорских блиндажах целые сутки врачу под дикий, отчаянный орудийный и ружейный грохот в ожидании своих пациентов, норовящих всячески и не заглядывать в эти блиндажи, а поскорее бы эвакуироваться подальше, вглубь – куда как труднее, чем офицеру под горячую руку идти прямо на неприятеля.

Заглянул к томящемуся ожиданием получения утвержденного свидетельства о болезни бригадному генералу Гласко²¹; все часочки пересчитывает, когда-то он поедет к себе домой по обеспечению, конечно, себя от казны всем положенным и неположенным разного вида «довольствием»; казенную денежку уж учтет для себя до последней копейки, стараясь соблюсти лишь чистоту бумажной формы... Да он ли один? Целые тысячи наших воинов довольно просто, безо всякого лукавого мудрствования смотрят на процедуру выдаивания из казны под всякими предлогами возможно большего количества денариев. То, что нам, рефлексикам, кажется цинизмом, для них представляется самой невинной вещью; вот пример: сын этого генерала Борис²², очень

1905 гг. – главнокомандующий японскими войсками в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Впоследствии – князь, хранитель императорской печати и гэнро.

¹⁹ По Реомюру, – 15 °С

²⁰ Мищенко Павел Иванович (1853–1918) – генерал-лейтенант (1904), генерал-адъютант (1904), начальник отдельной Забайкальской казачьей бригады в 1903–1905 гг. Впоследствии – генерал от артиллерии (1911), участник Первой мировой войны. Покончил с собой во время Гражданской войны.

²¹ Гласко Александр Степанович (1844–1920) – генерал-майор (1899), в 1899–1905 гг. командир 2-й бригады 35-й пехотной дивизии. Впоследствии – генерал-лейтенант (1907), в 1917 г. занимал пост начальника гарнизона г. Рязани.

²² Гласко Борис Александрович (1881–1919) – в 1904 г. подпоручик 35-й артиллерийской бригады, в 1909 г. – штабс-капитан. Участник Первой мировой войны, в 1917 г. – подполковник. В 1919 г. был арестован в Рязани как «участник белогвардейской ор-

приличный и порядочный офицер, получил какую-то царапину, о которой уже и совершенно забыл; так вот, предусмотрительный папаша настоятельно советует ему взять у врача перевязочное свидетельство «на всякий случай», приводя в доказательство логичности и разумности своих доводов такой факт, когда один офицер, бывши в турецкую кампанию слегка контужен в голову, через много лет после того хотя ослеп от пьянства, но получил-де денежное воспособление, как ослепший от последствий контузии; и все это так хорошо вышло благодаря-де взятому вовремя от врача перевязочному свидетельству!..

Как ни поговаривали уже несколько дней о возможности обходного движения со стороны японцев, но случившееся событие этого обхода произвело, тем не менее, на всех ошеломляющее впечатление. Начальник дивизии²³ и штаб высказывают порицание ротозейству и халатности наших сторожевых и разведочных частей, смеются над Мищенко, Стаховичем²⁴, Грековым²⁵, проморгавшими такой обход японцев. Мой принципал уверяет, что он с одними своими охотниками больше бы сделал, чем перечисленные генералы со своей многочисленной кавалерией... Общий голос в штабе, что мы разменялись на мелочи, играем-де на мелкую ставку, и что преимущество стратегической игры японцев – несомненное: они играют на трех мастях, а мы лишь на одной в смысле коммуникационных сообщений с своей базой. Настроение штабных желчное, по отношению к традиционным нашим распорядкам и руководителям теперешних военных операций – бичую-

ганизации офицеров» и расстрелян в Москве в числе заложников в ответ на взрыв бомбы в здании МК РКП (б).

²³Добржинский Ксаверий Антонович (1847 – после 1908) – генерал-лейтенант (1904), начальник 35-й пехотной дивизии с апреля 1904 г.

²⁴Стахович Павел Александрович (1865 – ?) – полковник (1899), в годы Русско-японской войны командовал 52-м Нежинским драгунским полком. Впоследствии – генерал-лейтенант (1913), участник Первой мировой войны.

²⁵Греков Митрофан Ильич (1842–1915) – генерал-майор (1888), командовал 2-й бригадой Забайкальской казачьей дивизии в 1904–1905 гг. С 1908 г. в отставке. В 1913 г. был произведен в генералы от кавалерии с оставлением в отставке.

щее, а в отношении нашей судьбы – безнадежное!

По слухам, набежавший отряд японцев мы стараемся окружить; действуют против него – части 10-го и 4-го корпуса с кавалерией Любавина²⁶. Наши Болховский и Зарайский полки пока наготове и перешли в деревню *Суятунь* для общего резерва. К *Мукдену* потянулась большая масса войск с правого фланга. Подозревают, что японцы под *Мукденом* устроили лишь вроде заслона, так как, рискнувши такой крупной единицей броситься чуть ли не прямо головой в горячую печь, они не готовят ли нам более крупный сюрприз еще севернее?..

События разворачиваются весьма интересные, захватывающие. Получил по сему случаю сегодня письмо от «Лухманихи»²⁷, которая усердно меня просит взять ее временно из госпиталей к себе на главный перевязочный пункт, чтобы предоставить ей, как корреспондентке, быть теперь в самой благодарной для ее целей обстановке. Принужден был вежливо отклонить ее просьбу, ссылаясь на приказ главнокомандующего, по которому вчера были удалены из *Суятуня* последние из остававшихся сестер. Теперь у нас и «женского духу» нет.

Нынешнюю ночь 6-й корпус отбил несколько отчаянных атак японцев, которые лезли на него в состоянии опьянения каким-то дурманящим снадобьем с неимоверной храбростью. Если бы им удалось прорвать наш фронт, то они, очевидно, выполнили бы свой адски задуманный план – обойти нас с левого фланга и соединиться с зашедшим к нам теперь в тыл своим отрядом под *Мукденом*; вся наша 3-я армия вместе со 2-й была бы окружена со всех сторон неприятелем. Теперь у нас много

²⁶Любавин Гавриил Павлович (1850 – после 1918) – генерал-майор (1904), командовал 2-й бригадой Забайкальской казачьей дивизии в 1904 г., с февраля 1905 г. – 1-й бригадой Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. С 1908 г. в отставке.

²⁷Лухманова Надежда Александровна (1841–1907) – русская писательница и публицистка, в 1904 г. добровольно отправилась сестрой милосердия в действующую армию. На рубеже 1904/1905 гг. некоторое время работала в полевом лазарете 35-й пехотной дивизии. В.П. Кравков относился к ней неодобрительно из-за ее склонности к интриганству и преувеличению собственных заслуг.

Рис. 7. Н.А. Лухманова

сил оттянуто к северо-западу, и линия фронта стала очень жидка, почти без резервов, а потому успокаиваться нам, что японцы по своей общей осведомленности не воспользуются этим слабым местом, — нельзя. А они пускают в ход теперь все средства для достижения цели, чрезвычайно умело и умно применяя для этого все последние изобретения технической науки и культуры. Передают, что минувшей ночью японец, переодетый в форму русского офицера, приехал к командиру полка, как бы ординарец от начальника дивизии, со словесным приказанием не то отступить, не то прекратить стрельбу; но ускакал опрометью, когда увидел, что командир в недоумении подошел к телефону, чтоб спросить штаб по поводу этого приказа. В артистической своей тороватости применяться к местности, они воспользовались выпавшим снегом и догадались даже одеть ночью свою разведочную команду в белое одеяние.

Осадные наши орудия с позиций поспешно увозят. Вчера в *Ваньшаньтуне*²⁸, где расположены наши госпитали, была большая горячка — велено было складываться и отправляться прямо на *Телин*²⁹. Судьба *Мукдена* была в большой опасности. Как перед эпидемией чумы предтечами ее часто служат такие симптомы, как появление во множестве крыс, так и теперь симптомом непрочности нашего положения в *Мукдене* являются необычайно частые

случаи весьма дерзкого обращения с нами там китайцев; рикши с русских седоков требуют теперь деньги уже вперед. *Мукден* многими нашими учреждениями оставляется, пустеет.

После обеда поднялся страшный северный ветер с густыми облаками пыли. Пальба несколько стихла, и к вечеру ее совсем не было слышно.

С *Суютуня* спешно грузятся в вагоны пушки, снаряды и масса прочих вещей для увоза их на север. «Это так, чтобы здесь, у станции, более или менее поприбрать и почистить», — с плохо скрываемым беспокойством старался объяснить мне лихорадочную суету зазававший меня к себе вечером в вагон Бильдерлинг, чтобы посоветоваться со мной о своих недугах. 1-й и 3-й армиям приказано во что бы то ни стало держаться на месте, 2-й же армии дана задача опрокинуть противника. Позабыл спросить добрейшего нашего командующего, но слухи есть, что штаб 2-й армии убрался к северу, куда с правого фланга тянется масса обозов. Оказывается, что нами взяты у японцев не 17 орудий, как мне говорил Александр Александрович, а лишь 4 пулемета; «и это на первых порах все-таки хорошо», — заключил он. Общее положение дел, говорит Бильдерлинг, сравнительно лучше вчерашнего. «Скоро переезжаем в *Угольную*³⁰ станцию для удобства наблюдения», — наивно, стараясь как будто не напугать и подготовить меня к своему быстрому исчезновению из прекрасных здешних мест, говорил Александр Александрович. Так растерявшийся и смущенный врач у постели неожиданно оказавшегося безнадежным больного, обращаясь к окружающим, говорит: «Это ничего, ничего...» Но Бильдерлинг должен был тотчас же разубедиться в моем малодушии, когда я ему порассказал о принятой мною политике в противовес циркулирующим слухам самого пессимистического характера пускать в обращение оптимистические сплетни, вроде того, что-де мы скоро возьмем в плен тысяч тридцать японцев, и уже весьма удачно их окружаем и проч., прикрывая, конечно, все эти вы-

²⁸Ваньшаньтунь — деревня в Маньчжурии (Китай), ныне деревня Ванши в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

²⁹Телин — город в Маньчжурии (Китай), ныне городской округ в провинции Ляонин (КНР).

³⁰Угольный — железнодорожный разъезд к югу от Мукдена (Маньчжурия), ныне в черте города Шэньяна.

мыслы тем *bonne mine*³¹ отличного актера, в каком-то амплуа с успехом подвизался я еще и на арене жизни мирного времени.

Пришла бумага об отправлении излишних вещей в вагонах на *Телин*, а излишних вещей у меня теперь не находится, пока лазарет функционирует здесь, на месте, так как все они необходимы для повседневного употребления.

В это горячее время злобно настраиваешься, получая тысячи требований о доставлении сведений то о тех, то о других пустяках... Писанина и писанина ради писанины не оставляет нас и в моменты последнего издыхания. Вот пример бумажного блудодействия: каждую неделю надо аккуратно посылать рапорт начальнику дивизии, что за минувшие 7 дней «павших быков не было». Не проще ли позволить для сокращения переписки доносить о павших быках только в утвердительном смысле, когда случится самый факт падежа, и не доносить, раз последнего не случилось? [...]

19 февраля. Погода ведренная при сильном северном ветре. С раннего утра началась интенсивная орудийная канонада с нашего крайнего правого фланга и с запада. *Сандиоза*³² нами оставлена. На правом фланге все отступают и отступают. С часу на час ожидаем момента, когда и нам необходимо будет убираться из *Суятуна*. За утренним чаепитием раздался страшный взрыв упавшего неподалеку несомненно осадного снаряда; от сильного сотрясения засыпалась земля с крыши моей землянки. Вот скандал-то будет, если японцы начнут теперь палить по квадратам и дойдут до нашего бивуака! «Да будет воля Твоя!» [...]

Жестокая канонада с северо-запада не прекращалась почти целый день. Настроение медицинского персонала дивизионного лазарета 3-й дивизии и моего весьма непокойное под влиянием циркулирующих слухов о безнадежном положении нашей армии. Корпусной врач³³, находящийся от нас

почти за три версты к северу – в *Каолуодзах*³⁴ – в 5 часов утра был разбужен комендантом вследствие предписания из штаба поскорее совершить укладку вещей и приготовиться к немедленному отступлению. Начал складываться по своей инициативе лазарет 3-й дивизии. Я же о времени свертывания моего лазарета все ожидаю приказания от ближайшего начальства – из штаба дивизии. Сослуживцы мои были так нервно взбудоражены и нетерпеливы, что убедили меня съездить в штаб и спросить, не пора ли и нам складываться. Мигом слетал к начальнику дивизии, который лишь посоветовал мне, что очень бы-де не мешало моему лазарету заблаговременно уложиться. Между тем, раненые, преимущественно из 5-го корпуса, все прибывали и прибывали. Один шатер распорядился сложить, равно и все юрты с некоторыми теплыми вещами. Часть собранного инвентаря погрузил в вагоны.

Вечером опять поехал в штаб; застал всех налицо. За чашкой чаю разговорились о событиях дня. По мнению офицеров Генерального штаба, полковника Пукалова³⁵ и капитана Незнамова³⁶, японцы сыграли *va banc* и перенахальничали, а, по мнению начальника дивизии, – осуществили гениально задуманный план, обойдя нас большими силами с запада. Офицеры Генерального штаба соглашались с принципом лишь при условии, если японцы обеспечили себе прочную базу в *Синминтине*. Пукалов и Незнамов находят сложившиеся стратегические условия японцев преинтересными, если бы существовал у нас Наполеон, который-де их несомненно разнес бы в клочья;

японской войны занимал должность корпусного врача 17-го армейского корпуса. В 1917 г. упоминается как тайный советник в отставке.

³⁴Каолуодзы (правильнее Гаолоу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Суцзятунь города Шэньяня.

³⁵Пукалов Дмитрий Платонович (1865–1915) – полковник (1904), и. д. начальника штаба 35-й пехотной дивизии с декабря 1904 по май 1905 г.

³⁶Незнамов Александр Александрович (1872–1928) – капитан (1902), старший адъютант штаба 35-й пехотной дивизии в 1904–1905 гг. Подполковник (1905). Впоследствии – участник Первой мировой войны, генерал-майор (1915). С 1918 г. в РККА, с 1919 г. – профессор Военной академии РККА, советский военный теоретик.

³¹хорошая мина (фр.)

³²Сандиоза – деревня в Маньчжурии (Китай), вероятно, современная деревня Шисаньцзяцзы в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

³³Форбрихер Николай Андреевич (1848–1917) – действительный статский советник, в годы Русско-

Рис. 8. А.В. Каульбарс

Добржинский считает план японцев наполеоновским, но исполнение его немецким. Вообще говоря, через 3–4 дня должен совершиться кризис, который решит окончательно дело в пользу ли нашу, в пользу ли японцев. Каульбарс должен был отойти от прежних позиций и встать с силами около 80 тысяч заслоном с СВ на ЮЗ против обошедшей нас армии Ноги³⁷. Положение наше здесь колеблющееся и весьма серьезное. Штабные желают лишь одного: чтобы Каульбарс был предоставлен самому себе, и поменьше бы вмешивался в его функции Куропаткин³⁸. На левом нашем фланге со-

³⁷Ноги Марэсуке (1849–1912) – генерал-лейтенант (1895), барон (1896), в 1904–1905 гг. командовал японской 3-й армией, осаждавшей Порт-Артур. Граф (1906).

³⁸Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), военный министр в 1898–1904 гг., главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне в 1904–1905 гг., командующий 1-й Маньчжурской армией в 1905–1906 гг. Член Государственного совета в 1906–1915 гг. В 1915–1916 гг. командовал Гренадерским корпусом, затем 5-й армией Северного фронта, с февраля по июль 1916 г. занимал пост главнокомандующего армиями Северного фронта. Туркестанский генерал-губернатор в 1916–1917 гг. После Октябрьской революции 1917 г. проживал в своем бывшем имении в Псковской губернии, работал учителем в сельской школе.

бытия разыгрываются пока в более утешительном виде: Линевиц³⁹, говорят, прошел вперед верст на 35 и потрепал будто бы армию Оку⁴⁰, чуть ли даже ее не обходит. Возвращался из штаба около 10 часов вечера, уже стемнело; небо было звездное; на западе во многих местах виднелись горящие деревни и зажженные наши интендантские склады.

Только что приехал на бивуак, как пришло предписание – сейчас же складываться и поскорее отступать на *Байтану*⁴¹, верст за 7 к северу, так как теперешнее наше место завтра ранним утром отойдет уже под позиции отступающих наших строевых частей, и будет обстреливаться не только орудийным, но и ружейным огнем.

Около 2-х часов ночи тронулись на *Байтану* по восточной дороге от железнодорожного полотна. Не успели мы еще сняться с бивуака, как наше место стали занимать отступившие части 3-й дивизии. Прости-прощай, наш уютный уголок – *Суйтунь*, где мы довольно благополучно простояли около полугода! Прощайте, наши милые земляночки; с вами у меня навеки будут связаны самые чистые воспоминания о посещавших нас, хотя и изредка, светлых радостях бытия!

Пока собирались и укладывались в дорогу, высшие артиллерийские власти то и дело вопрошали по телефону командиров частей, достаточно ли у них запаса пироксилиновых шашек для взрыва имеющих быть оставленными у японцев многих осадных орудий.

До места назначения почти всю дорогу ехали шагом. С нами следовал и прикрепленный к дивизионному лазарету летучий

³⁹Линевиц Николай Петрович (1838–1908) – генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905), командующий 1-й Маньчжурской армией в 1904–1905 гг., главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, в 1905–1906 гг.

⁴⁰Оку Ясуката (1847–1930) – барон (1895), генерал армии (1903), в годы Русско-японской войны командовал 2-й японской армией. Впоследствии – граф (1906), в 1911 г. вышел в отставку в звании маршала.

⁴¹Байтану – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

Рис. 9. А.Н. Куропаткин

дезинфекционный отряд. Темнота страшная. Хотя я и был тепло одет, но промерз здорово. От холода не мог даже и вздремнуть в экипаже.

20 февраля. Еще было темно, когда мы около 5–5½ часов утра прибыли в большой китайский город – *Старый Мукден*, называющийся теперь *Байтану*. Здесь стоит высочайшая башня почти 2-тысячелетней давности, корейских времен. Остановились в одной из заброшенных фанз – без окон, без дверей, с разобранной почти совсем крышей. Продрогшие от холода, в изнеможении, как мертвые мы повалились на каны⁴². При попытке потопить последние, чтобы хотя сколько-нибудь нагреть помещение, вся фанза наполнилась густыми облаками дыма. Наше ночное прибытие в опустевший *Байтану*, блуждание по нему, чтобы отыскать себе пристанище, наш жалкий, иззябший вид – все это очень напоминало картину из «Жизни за царя», когда прибывают в русскую деревеньку заблудившиеся

⁴²Кан – глиняная лежанка с подогревом, часть традиционной системы отопления крестьянских домов Северного Китая.

Рис. 10. Н.П. Линевиц

поляки... Не доставало лишь Сусанина в лице какого-нибудь китаёза!

Прикорнувши с часик, я, когда все остальные еще спали, встал, кое-как умылся и отправился по городу, чтоб найти какие-нибудь получше фанзы под наше жилье и под перевязочный главный пункт. Облюбовал сравнительно удовлетворительное помещение возле башни, где и приказал устраиваться.

С раннего утра началась на западе страшная орудийная канонада, продолжавшаяся весь день с обычным у японцев перерывом для обеда и некоторого отдыха после него. Молодцы, своей методичностью японцы: и в огне не забывают о гигиене!

Стали прибывать раненые, преимущественно моршанцы, которых до обеда понабралось до 100 человек. Много моршанцев было ранено зарайцами, принявшими их за японцев.[...]

Полковые перевязочные пункты нежинцев и моршанцев передвинуты назад к северу – в деревню *Сыяртунь*⁴³ в 1½ – 2 верстах от *Даянелътуня*⁴⁴.

⁴³Сыяртунь (правильнее Сиояньань) – деревня в Маньчжурии (Китай), существовала на территории городского округа Шэньян до 2010-х гг., когда была

После обеда количество раненых стало все увеличиваться и увеличиваться. Перевозочных средств полковых и дивизионного лазаретов для эвакуации раненых становилось недостаточно. Послал экстренно в *Ваньшаньтунь*, чтобы немедленно прибыл транспорт. Получился ответ начальника военно-санитарной части, что такового дать не может. А раненые все прибывают и прибывают, и все такие жалкие – изнуренные и искалеченные... На руках у нас их скопилось масса, от которой надо скорее освободиться ввиду возможности с часу на час дальнейшего нашего отступления.

Передовые окопы под *Каулитун*⁴⁵ мы очистили и сдали японцам; сам же *Каулитун* пока у нас в руках. *Ханченпу*⁴⁶ же ночью моршанцами оставлен.

Японцы сильно обстреливают нас из осадных 11-дюймовых орудий, наводящих на солдат страшный ужас.

Станция *Суньтунь* – пылает!

Держаться же на позициях нашему корпусу повелено всемерно, чтобы помочь осуществлению задачи Каульбарса, должествующего опрокинуть японскую армию Ноги.

В отступлении моршанцев из-под *Ханченпу* винят генерала Орлова, который будто бы совершил преступление, отступивши с своих позиций и предоставивши японцам овладеть *Ингоа*⁴⁷, *Цофантаем*⁴⁸ и даже *Уэнченпу*⁴⁹. Командующий корпусом Сели-

ванов⁵⁰ ругал его за это при всех самыми бесцеремонными словами и приказал ему во что бы то ни стало взять обратно оставленные позиции. Да! Было бы очень хорошо, если бы обратно брать позиции Орлову пришлось своими боками, а не ценою опять тысячей жизней все тех же «серых» безропотных мучеников, коими наши военачальники безответственно швыряют, как марионетками! А то нынешнюю ночь этого генерала не посмели даже будить по весьма важным распоряжениям, так как его вестовые категорически докладывали, что «его превосходительство приказали их не будить»!!

Среди дня прибыл в *Байтану* штаб дивизии; начальник же дивизии с капитаном Незнамовым остались в *Даянелътуне*. Вместе со штабом приехал и начальник его, неистовый ненавистник врачей полковник Пукалов, направившийся к нам прямо на перевязочный пункт. Воин этот, попавший, по-видимому, не туда, где ему надлежало бы быть в данный момент, дрожа всем телом, был очень растерян и представлял весьма жалкий вид кающегося грешника. Кроток он был, как агнец, и в отношении к моему врачебному персоналу – «ко всем этим боткиным» – изо всех сил старался проявить возможно больше предупредительности и внимания. Платя за зло добром, мы его обласкали, напоили, накормили и отдохнуть положили. Не умягчится ли «косматое» сердце нашего «внутреннего врага» к нам хотя бы после такого оказательства ему врачами всесердечной евангельской любви?!

Немало удивил нас всех сегодня наш лазаретный повар: было уже часа два пополудни; мы были еще очень заняты работой с ранеными, когда он начал с особенной какой-то назойливостью то и дело подходить ко мне со стереотипными докладами: «В-ство, обед готов», на что я ему всякий раз так же стереотипно отвечал фразой: «Ладно, сейчас придем». Но мы слишком,

расселена и снесена в связи со строительством вокзала высокоскоростной железной дороги.

⁴⁴Даянелътунь (правильнее Даяньань) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁴⁵Каулитун (правильнее Гаолитунь) – деревня в Маньчжурии (Китай), существовала на территории городского округа Шэньян до 2006 г., когда была расселена и снесена из-за провалов грунта вследствие добычи угля.

⁴⁶Ханченпу (правильнее Ханьчэнпу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁴⁷Ингоа (правильнее Инво) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁴⁸Цофантай (правильнее Сыфантай) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁴⁹Уэнченпу (правильнее Вэньчен) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁵⁰Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917) – генерал-лейтенант (1901), начальник 37-й пехотной дивизии в 1904–1905 гг., временно командовал 17-м армейским корпусом с января по апрель 1905 г. Впоследствии – генерал от инфантерии (1907), участник Первой мировой войны.

Рис. 11. Байтану. Башня

очевидно, замешкались, что он под конец уже с нескрываемым нетерпением, с большой тревогой в лице и отчаянием в голосе, выражавшими как бы боязнь потерять что-то очень дорогое, обратился ко мне с такими словами: «В-ство, пожалуйста обедать, а то блины уйдут». Оказывается что же? А то, что этот чудак, несмотря на поспешные сборы вчера и внезапное свертывание лазарета, каким-то неведомым образом ухитрился и не забыл захватить с собой также и заквашенное тесто, предназначавшееся при покойной стоянке под блины на нынешний день. Благодаря такой старательности и догадливости повара нам удалось встретить российскую масленицу превкусными блинами при столь оригинальной обстановке, как бы сидя в жерле вулкана. Блинов у нас хватило настолько, что мы и сами хорошо наелись, и накормили ими почти всех раненых офицеров, частью же даже и некоторых солдатиков...

Поступающие раненые полны панического ужаса, передают самые страшные вести о японцах, об отвратительности на-

шего положения и о неизбежности того, что японцы вперед нас займут *Телин* и отрежут нам пути наступления к нему. Вообще ближайшее будущее наше рисуется всеми в весьма сгущенно-мрачных красках. Многие из прибывших раненых представляют тяжелую картину изувечения и страдания.

Идут приготовления к возможному скоро оставлению *Байтану* и к сожжению хранящихся в нем больших складов. Вот проехала спешно назад, на *Мукден*, к северу неразгруженная почта, везущая, может быть, каждому из нас весточки от наших дорогих с отчизны.

Совсем не ко времени заболел мой зритель, которому теперь бы командовать да командовать.

Раненые все прут и прут. Старшие врачи Моршанского⁵¹ и Нежинского⁵² полков вопиют о доставлении им перевозочных средств, а также о невозможности младшим врачам находиться в блиндажах под адским огнем. Возвращаются из блиндажей врачи очертеневшими и близкими к сумасшествию.

8 часов вечера. Канонада стихла. Спустилась на землю претемная ночь. Что-то она нам обещает? Боже упаси, если придет приказание теперь же собираться и отступать!

Спать в занимаемой фанзе все мы расположились вместе на канах, вповалку. Я лег, не раздеваясь.

21 февраля. Слава Богу, ночь прошла покойно и мы все выспались. Встал раньше всех. Кругом – тишина. Напившись чаю, прошелся к знаменитой по своей высоте и древности башне. Благоговейно около нее простоял, уносясь воображением далеко вглубь столетий. Целые века бросали с вершин ее свои исторические взоры. Она вся была как бы живая, будучи снизу доверху сплошь покрыта огромными стаями многочисленных семейств птичьего царства, начиная с воробьев, голубей, ворон, сорок, и кончая чуть ли не «царями-орлами». От непрерывного движения всей этой многочисленной крылатой массы, весьма

⁵¹ 139-й пехотный Моршанский полк.

⁵² 137-й пехотный Нежинский полк.

удобно и прочно свившей себе гнезда в выемах и расщелинах старого каменного колосса, и от разноголосых ее криков, сливавшихся в один какой-то таинственный гул, мне казалось, как будто сама башня, полная призраков прошлого, тревожно шевелится и что-то грозно вещает... Заглянул в кумирню, стоящую так живописно и совершенно одиноко на пригорке у замерзшей реки. Внутренность этой святыни оказалась совершенно разрушенной, расхищенной и оскверненной. Сохранившиеся у входа в кумирню и вокруг висящего гонга сосенки как будто неутешно оплакивали скорбную судьбу, постигшую место святое. Зашел в одну из полуразрушенных опустелых фанз, где меня, словно какой-то призрак, встретил согбенный, иссохший, как мощи, старик-китаец, ковырявший шилом кусок кожи. Вид старика был необычайно жалок; он был совершенно одинок. Объяснения наши совершались жестами да восклицаниями. Протянутой костлявой рукой он предлагал мне сесть. Я старался быть с ним как можно ласковей и всячески выразить ему мое к нему уважение и сочувствие. Сердце защемило тоской, слезы подкапывали к горлу, и я ушел от старика, чувствуя великий конфуз... Не прошел и нескольких шагов, как увидел еще несчастного китайца, и опять такого же мумиеобразного старика, нагнувшегося над пучком гаоляна, к которому он старательно привязывал издохшую, такую же худую, как он, собаку. Проследовавшие солдатики при виде этого старика, улыбаясь, его спрашивали: «Куш-куш?» – на что он им утвердительно отвечал киванием головы. На душе становилось нестерпимо грустно. Нескоро могла развеять моего тяжелого настроения даже оживающая природа с весенним солнышком и привлекательной панорамой маньчжурской равнины...

Часов с 10 утра началась усиленная пальба с запада.

Раненые все эвакуированы. За истекшие сутки всех перевязанных на нашем пункте было более 300 человек; преимущественно поступали моршанцы, а затем уже нежинцы. Эти два полка поставлены теперь в весьма тяжелое положение вследствие опрометчивого распоряжения генерала Ор-

лова, поторопившегося приказанием об очищении *Ингоа*, *Цофантая* и *Уэнченпу*. Нежинцам и особенно моршанцам придется теперь выдерживать страшный фланкированный огонь неприятеля. Моршанцы залегли за восточную сторону железнодорожной насыпи. Японцы отчаянно осыпают их из ружей. Пули, попадая в рельсы, производят своеобразную музыку *a la danse macabre*⁵³! Масса раненых в руки. Господь один ведает, какой % из этого рода ранений можно отнести на умышленное членовредительство!

Сегодня с вечера должна начаться атака отданных нами японцам *Уэнченпу*, *Цофантая* и *Ингоа*, а также и попытка обратного занятия первых линий передних позиций нежинцами под *Каулитунем* и моршанцами под *Ханченпу*. Этого будто бы требуют сложившиеся стратегические условия.

Теперь у нас главная база военных действий – на западе, против армии Ноги, и фронт наш представляется изломанным в виде римского S. Сведения с западного и особенно восточного фронта приходят утешительные. На западном фронте Каульбарс при искусном действии может отрезать японцев и устроить им ловушку. На днях ожидается разрешение совершающихся событий. О, когда-то мы спустимся, наконец, с планеты Марса на нашу мирную Землю?! Раненые солдатики из армии Каульбарса передают, что японцев валяются целые массы – «как груши», «как муравли»; лезут они в атаку как бешеные; достоверно известно, что японцы действуют под влиянием какого-то опьяняющего напитка, пускаются они на всякие хитрости: кричат по-русски «свои», удачно называют наши пароли, часто ставят трупы наших солдат, и из-за них уже выкрикивают, чтобы лучше ввести нас в обман. А чтобы в открытом поле поскорее чем-нибудь защититься, они с этой целью из трупов убитых кладут брустверы, воздвигают даже целые редуты! У пленных японцев найдены какие-то бобы вроде коки или колы. Отмечаю курьезный случай, когда наш раненый солдатик, чуть не обливаясь слезами, искренне сожалел,

⁵³пляски смерти (фр.)

что, оставляя поспешно окопы, он позабыл там свой сахар!

Мой смотритель лазарета заболел какой-то серьезной мозговой формой болезни. Надо будет его завтра отправить в госпиталь; придется с ним расстаться уже совсем. Беда мне теперь с хозяйственными делами, которые он так умело и аккуратно вел. Достойного ему заместителя мне не найти!

22 февраля. Всю ночь шла канонада на оставленных 3-й дивизией позициях, с 4-х часов утра принявшая особенно напряженный характер и продолжающаяся до сего времени. Уже 8 часов утра. Ночью я спал в общем недурно, лишь изредка просыпался, когда уж очень начинали дрожать стены фанзы от залповой стрельбы. Вот уже девятый день, как идет страшная бойня по всей линии; больше еще двух дней она прямо-таки по чисто физиологическим условиям продолжаться не может, и должна обязательно последовать реакция. В перспективе опять многонедельное наше стояние и собирание сил – все тот же *perpetuum mobile*⁵⁴!

А, впрочем, все это кровопролитие может завершиться и чем-нибудь более решительным и эффективным: или вдребезги ухлопаем японцев, или сами будем ими с трезвоном ухлопаны... Стоим все в том же *Байтану*. Положение наше стало, по видимому, не столь критическим, как позавчера, когда существовало опасение, что японцы встретят нас в *Мукдене* и перережут дорогу на *Телин*.

Погода держится – чудная, днем хорошо греет солнышко, ночью же – морозно.

Распространились слухи, но не перво-степенной достоверности, что будто бы под *Телином* мы окружили колонну японцев человек в 6 тысяч, которой готовим катастрофу, и что уже четвертый день идет у нас морской бой. Хорошие вести приятно и слушать! Но не являются ли они отдаленным отголоском пущенных мною же несколько дней назад в обращение для приободрения окружающих специально оптимистических сплетен, которые теперь, может быть, обратно доходят до меня, их ав-

тора, но в несколько видоизмененной редакции? Все может быть. [...]

Сели за обед в хорошем настроении духа, но оно было скоро же испорчено пришедшим предписанием немедленно сняться и двинуться верст за шесть на север к *Хуньхепу*⁵⁵, откуда приготовиться к движению к южной мукденской башне.

Положение, по сообщению начальника дивизии, сделалось весьма серьезным. Елеле державшийся моршанцами *Ханченпу* ими оставлен и перешел к японцам. Нежинцы же в *Каулитуне* пока еще отстреливаются. Огонь японцев принял ужасную напряженность. На позициях – неописуемый ад. 11-дюймовые снаряды, выпускаемые нашим противником, производят среди солдат настоящую панику. Некоторые роты не следуют за приказами своих командиров и в неистовом страхе бегут. В переживаемую горячую минуту солдатики наши не слышат подбадривающих слов ближайшего полкового начальства и не видят ни его личного участия, ни руководства. Всех на позициях обуял ужас. Начальник штаба нашей дивизии Пукалов, оставивши своего принцепала, уже третий день болтается около нас; он теперь – «тише воды, ниже травы». Куда улетел его кураж?!

Раненые солдатики уверяют, что в штыки с ними отчаянно лезли совсем-де не японцы, а «еще какие-то басурманы, уж очень высоченного роста»! Что же это за люди? Уж не корейцы ли, или иной народ, жители каких-нибудь отдаленных островов? Для самозащиты на открытом гаоляновом поле и наши начали делать брустверы из груды трупов. Один из раненых офицеров Моршанского полка, совершенно добродушный человек, мне сегодня пресерьезно высказал жалобу, что в самой линии огня ему первичную перевязку наложить не нашлось ни одного врача, а перевязал его лишь фельдшер! Я ему, конечно, объяснил, что еще слава Богу, что перевязку сделал фельдшер, а то ее был бы вполне правомочен сделать и простой носильщик, и это было бы вполне правильно, так как место для деятельности полкового врача во

⁵⁴ вечный двигатель (лат.)

⁵⁵ Хуньхепу (правильнее Хуньхэпу) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Дунлин города Шэньяня.

время боя не в боевой линии, не в зоне огня, где оказать медицинскую помощь лучше, чем обыкновенный санитар, он и не может.

23 февраля. Да не 24-е ли сегодня число? Все дни у меня уже давно спутались и потеряли свои названия, известными же мне оставались лишь одни числа; а в переживаемую безалаберщину, как ушли из *Суятуня*, и последние стали перемешиваться. В минувшую полночь, только что мы разместились в довольно сносной фанзе, получил предписание немедленно двигаться к южным воротам *Мукдена*, так как нежинцы, отступая от *Каулитуня* и *Даянелтуня*, скоро придут на наше место и займут все расположенные под *Хуньхепу* окопы и редуты. Настойчиво вызывают ко мне о скорейшем доставлении перевозочных средств уже не одни части моей дивизии, а еще и из 6-го корпуса, где скопилось теперь порядочное количество раненых Нежинского полка. Но что я в настоящий момент могу сделать? Все бывшие в моем распоряжении транспортные средства уже исчерпаны до крайней возможности. Из обозов 2-го разряда, совершающих спешно отступательное

движение вместе с нами, не удалось доставить ни единой свободной повозки. Еще вчера отправил гонцов в штаб корпуса с донесением об испытываемой мною острой нужде в перевозочных средствах для раненых, но ни ответа оттуда, ни приветов до этого времени пока не имею. Вся наша многочисленная начальствующая по санитарной части плеяда ничем нам не заявляет о своем существовании в настоящее время, не реагируя на наши вопли о помощи. За счастье бы мы почли теперь видеть у себя кого-либо хотя из «чиновников для особых поручений» при санитарном управлении, который бы пособил нам выйти из трудного положения, облегчивши эвакуацию раненых. Бессильным оказался помочь нам перевозочными средствами, как и при прежних боях, также Красный Крест, всегда готовый обильно нас снабдить перевязочным материалом, которого у нас и без него имеется неиссякаемый запас, и всем прочим, в чем мы и не нуждаемся. Много, даже тяжело раненых, брело пешком, много их валялось по дороге. Двух из них я посадил к себе в тарантасик. Все хозяйственные повозки лазарета были перегружены иска-

Рис. 12. Мукден. Главная улица

леченными.

Выступлением из *Байтану* спешили и перевязочные пункты Нежинского и Моршанского полков. С целью, чтобы не дать прицельной точки японцам, туда уже приехал один сапер с 30 пудами пироксилина для взрыва священной многовековой башни, которой я так любовался и восхищался!..

Прибыли мы к южным воротам *Мукдена* около 2½ часов ночи. Зги еще не было видно. Остановились возле башни «Бога войны», весьма древней, полуразрушенной. При ней помещались китайские монахи – совершенно стриженные, без кос. В темноте стали отыскивать себе логовища; кто занял оставленные уже отступившими частями землянки, кто поместился в грязных каморках брошенных фанз, я же ради чистоты воздуха предпочел заночевать в экипаже, стараясь потеплее укрыться. Но ночь провел плохо, так как все время ощущал сильный холод. Ночью кругом на горизонте виднелись пылавшие зарева пожарищ, и по временам слышались отдаленные тревожные звуки китайского гонга, напоминавшие мне набатные звуки церковного колокола у меня на родной стороне. А впрочем, слышанные удары гонга были, может быть, просто галлюцинацией моего слуха.

Дрожа от мороза, встал очень рано, чтобы поскорее посогреться чаем. Утром при свете дня обстоятельно осмотрел окружающую нас обстановку. Весьма умильный вид представляла ветхая-преветхая, обвеянная дыханием нескольких столетий башня «Бога войны», возле которой на полуразвалившемся каменном четырехугольной формы широком и высоком фундаменте стоял своего рода «Царь-колокол» величиною в большую нашу бочку. Очевидно, он когда-то висел, но теперь, упавши, лежал. Но мистический ужас мною овладел, и я замер в каком-то благоговейном столбняке, когда я увидел в саду уже совсем разрушенной кумирни многовековое огромное дерево, разросшееся по игре природы своими ветвями так, что представляло вид лежащего колоссального дракона с открытой пастью, крыльями, когтистыми лапами. На шею этого дракона – чуда природы – был привешен небольшой

Рис. 13. В.А. Ярчуков

гонг. Долго я не мог оторваться от этой полной таинственного значения какой-то сказки действительности.

Начальник штаба Пукалов продолжает свое отдельное существование от начальника дивизии, нас теперь не обижает, но все время как-то автоматически-импульсивно суетится и громко, как бы в бреду, ругается со своей писарской командой.

Узнал, что в эту ночь наповал был убит мой первый смотритель лазарета Ярчуков⁵⁶. Я это предчувствовал, и немало болею теперь душой по поводу случившегося.

Усиленная канонада слышится с СЗ фронта, с южного же – довольно вялая. Японцы не преследовали нежинцев и моршанцев; сами, очевидно, были порядочно потрепаны и уставши. Прибыл к южным воротам *Мукдена* перевязочный пункт Нежинского полка и расположился вместе с моим лазаретом в китайском монастыре.

Около 12 часов дня пообедали. Затем я протянулся в своем экипаже поотдохнуть немного, повернувши его так, чтобы солнышко мне пекло прямо в лицо. В воздухе так сильно чувствовалось пробуждение бурной, кипящей избытком жизни весны. Галки, сороки, воробьи оживленно кружились над нами.

⁵⁶ Ярчуков Владимир Андреевич (? – 1905) – штабс-капитан 137-го пехотного Нежинского полка. Капитан (1904). С конца 1904 г. командовал 1-й шефской ротой полка. Погиб под Мукденом 22 февраля (7 марта) 1905 г.

Посылаю в неподалеку горящую деревню для захвата, если удастся, всякого добра из интендантских складов – консервов, сахару и проч. Выбрал для такой миссии и солдата полочнее да порасторопнее, который сумеет вытащить каштаны из огня. Приготовился к могущему потребоваться с часу на час его сожжению и начальник склада, расположенного возле нас. Просто же раздать все имущество в движущиеся теперь войсковые части и врачебные учреждения сей муж не решается. «Пусть уж все забирают, когда загорится!» – говорит он. [...]

К вечеру канонада затихла. Но с наступлением темноты и с восходом молодого месяца на южном нашем фронте началась довольно яростная пальба из орудий, продолжавшаяся часа с два. Неприятельские шимозы и шрапнели рвутся от нас не ближе 1–1½ верст.

Башня в *Байтану* взорвана с большим треском. Под самой деревней, вчера нами оставленной, показались уже японские кавалерийские разъезды и пехота. Фушунская железнодорожная ветка – в руках японцев. *Чансумутуньи Гудзядзы*⁵⁷ пылают.

Ввиду редкой сторожевой цепи и малого количества наших войск на южном фронте при отсутствии всякого резерва сильно опасаемся, как бы ночью японцы не учинили нам большой неприятности. Решили быть начеку, и в случае внезапного прорыва нашей цепи неприятелем немедленно же продолжать отступление. Распорядился, чтобы быть готовыми тронуться по первому приказанию; для чего велел обозу выехать на дорогу и лошадей совсем не распрягать. Решил переночевать в фанзе, чтобы, разоблачившись, немного пораспродать свои члены. Своему Александру⁵⁸ строго наказал, чтобы при тревоге он успел собрать все мои постельные принадлежности в 10 минут.

А прескверная это вещь – отступление, да еще постоянно практикуемое и внезапное, которое с каждым разом все легче и

легче способно порождать массовую панику. Помощник смотрителя лазарета Мигулин в период отступательных движений начинает по обыкновению усиленно потреблять за обедом и ужином водку, совсем прекращая ее при покойных стоянках, и имея намерение при проблематическом нашем наступлении заменить ее более благородными спиртными напитками.

В полном неведении, как у нас идут дела вообще, так как дальше носа своего теперь мы ничего не видим. У Каульбарса дня через два должны разрешиться события, которые будут иметь критическое значение в исходе кампании.

Пишу в углу тесной фанзы, где собралась масса врачебной публики спорящей, галдящей, гогочущей и свистящей... Обстановка, не благоприятствующая правильному течению моих мыслей.

9 часов вечера. Укладываемся на сон грядущий. Никогда в жизни, кажется, мы с такой искренностью не желали никому «покойной ночи», как именно теперь друг другу, будучи слишком утомлены работой последних дней и несколькими бессонными ночами...

Монахи-китайцы, собравши все свои святыни и пожитки, куда-то молча удаляются. Чувствую себя от этого в каком-то сконфуженном положении.

Среди ночи слышались орудийные выстрелы, сотрясавшие стены фанзы, в которых так раздражающе всякий раз дребезжали оконные рамы.

24 февраля. Рано утром пробудился от страшного орудийного удара, от которого задрожала вся фанза. За этим ударом последовала канонада, не прекращавшаяся почти весь день.

Напившись чаю, прошелся по бивуаку, где лежали огромные запасы фуража и провианта; около них стояли караульные, приготовившиеся по первому сигналу о нашем отступлении их немедленно поджечь. Большими группами бродили китайцы с своими оригинальными граблями, чтобы захватить из наших обреченных на сожжение складов гаоляна, чумизы и проч., но солдаты их отгоняли. Представлявшаяся картина настраивала на грустные размышления. Возбурлся с некоторыми из коллег

⁵⁷Гудзядзы (правильнее Гуцзяцзы) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Дунлин города Шэньяня.

⁵⁸Денщик В.П. Кравкова рядовой Александр Зарембо.

на бруствер перед башней, чтобы понасладиться дикой поэзией красоты от рвавшихся на южном фронте шрапнелей и шимоз, но принципал, заметивши нас, прогнал нас отсюда с большим скандалом (да и не без серьезного, вероятно, основания!), говоря (вернее – крича), что жертвами нашего любопытства могут быть тысячи солдатских жизней.

Часов с 10 утра начался страшный тайфун. Поднялась такая адская пыль, что совершенно померк солнечный свет и наступили самые непроглядные сумерки. На расстоянии каких-нибудь двух шагов ничего нельзя было видеть. Трудно становилось дышать. О возможности таких пыльных буранов я никогда и не воображал. Ураган все крепчал; тьма сгущалась; слышалась губительная канонада и с юга, и с востока, и с запада. Чувствовалось, что мы находимся в слепом мешке, в котором вот-вот все мы будем перебитыми, передавленными или заживо погребенными... Зашел в соседнюю фанзу, в которой разместился штаб. Там невообразимый хаос: у всех идет голова кругом, все сбились с ног, бегают, приказывают, зовут... Звонят в четыре телефона; выбиваются из сил слушать и переговариваться. По телефону, между прочим, сообщают, что японцы большими колоннами наступают из *Байтану* в *Импань*⁵⁹. Начальник дивизии – мрачнее тучи; я к нему боялся даже и подойти, но он поймал меня, и, будучи поглощен, очевидно, более серьезными задачами, мне как-то лишь на лету успел дать приказание «ввиду возможности всяких случайностей озаботиться запасом продовольствия на 7–8 дней». Начальник штаба Пукалов ходит как сомнамбула, бормочет несвязанные слова; видна полная его растерянность. В эту сумятицу им скоро еще была получена телеграмма, извещавшая о смерти его супруги в Лозанне; мой полковник после этого уже совсем сжался и сократился, обратившись в мокрую курицу. Я так и ожидал: он подал, конечно, рапорт о разрешении ему отпуска по болезни в Россию; последовало, конечно, и предписание об освидетельствовании сего

воина. Станным мне представляется, что мой принципал вот уже второго начальника штаба своей дивизии провожает от себя не только без печали, но как будто даже и с радостью – с чувством какого-то облегчения.

Коллеги мои и я с ними стараемся подбадриваться. Все они, как загнанные охотником зверьки в норе, скучившись, сидят в фанзе и, затаив у себя глубоко на сердце печаль и отчаяние, чтобы как-нибудь скоротать и очень уж остро не ощущать отвратительно жуткие минуты переживаемого момента, почти механически ведут между собой беседы на разные темы, стараясь приправлять их разными шутками. Разговоры о физиологическом действии тех или других доз какого-либо из фармакологических препаратов сменялись вентиляцией вопросов внутренней политики России, вопросов церковно-богословского характера и т. д.; но мысли наши все же не могли оторваться от окружающей действительности и невольно приходилось обращаться к обсуждению более близко и непосредственно нас касающихся вопросов о нашем теперешнем положении. А известия получаются все тревожнее и тревожнее. У нас, оказывается, мало снарядов, и цепь на южном фронте настолько жидка, что район, на котором должен был бы растянуться целый батальон, принуждена занимать лишь одна рота. Становится не подлежащим сомнению и факт, что японцы энергично стремятся заключить нас в огненно-железное кольцо. Для каждого из нас самой страшной перспективой представляется как бы не попасть в одиночку в плен китайцам, которые уже не поцеремонятся проделать над нами самые вычурные казни и пытки.

Получено уведомление, что через час в штабе корпуса будут жечь, как лишний балласт, всю пришедшую к нам из России корреспонденцию, а потому предлагалось поторопиться присылкой нарочных, чтобы скорее ее разобрать. Слава Богу, мне успели доставить два письма с родины и несколько №№ «Нового времени» и «Нашей жизни». Ни писем, ни телеграмм отсюда теперь не принимают. На неопределенное время мы отрезаны от всего окружающего мира.

⁵⁹Импань (правильнее Инпань) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в черте района Дунлин города Шэньяня.

Пришло предписание, что, если в *Мукдене* на станции не будут приниматься больные и раненые, то их эвакуировать к СВ от *Мукдена* к какому-то трамваю; но последний оказался по тщательной проверке уже разрушенным. Положение по части эвакуации обстоит пока, таким образом, довольно путанное.

Вот прибыл командир Нежинского полка Бут-Хусаинов в припадке сильной истерики. Дали ему санитарный билет для отправления в госпиталь.

Около 3-х часов пополудни поднялась внезапная паника: прибежавшие солдаты кричали, что около нас показались японские разъезды. Все выскочили из фанз... Начальник дивизии скомандовал нижним чинам взяться за ружья. Был момент прескверного самочувствия, когда ожидаешь себя приговоренным к смерти...

Стемнело. На юге горит деревня *Хуньхепу*, а на ЮВ продолжают гореть *Чансумутунь* и *Гудзяздзы*.

Все более и более убеждаемся, что попали в «наигрязнейшую» историю, из которой приведет ли еще Господь благополучно нам выскочить.

Лошади держатся в запряжке, чтобы в случае необходимости моментально можно было выехать.

Поежинали больше по обязанности, чем с аппетитом. Нервы у всех взбудоражены. Спать не придется.

Таких тяжелых минут еще никогда нами не переживалось. До конца дней моих не забуду я 24 февраля! Завтра ожидается катастрофа.

Всяким слухам нет конца. Я всех рассказчиков, заменяющих нам свежие газеты, называю нувеллистами, существовавшими, помнится, когда-то во Франции, когда пресса там была еще мало распространена.

Свиристествовавший тайфун для нас сыграл роль кары Божией. Среди китайцев распространилось убеждение, что тайфун этот послан небом в наказание за потревоженные души их предков на могилах, у которых теперь идет канонада. Стихийно и систематически нам не везет. Вспомнились мне слова какого-то не то римского, не то греческого классика: «Ветры и волны бла-

гоприятствуют всегда лишь искуснейшим мореходам...»

25 февраля. Чуть лишь вздремнул, как около 12 часов ночи над ухом моим раздался тревожный окрик начальника штаба: «В.П., вставайте и собирайтесь скорей к выступлению!» Отведя же меня в сторону, волнуемым голосом тихо сказал: «Дела скверны, идите сейчас к начальнику дивизии». Принципал мой, совершенно уничтоженный, не открывая мне карт истинного положения наших дел (из благого намерения, вероятно, не смущать печальными сведениями публику!), в разговоре со мной ограничился лишь краткой фразой: «Следуйте теперь же к СВ части *Мукдена*, а оттуда безостановочно двигайтесь на *Телин*».

Лошади в обозе были уже запряжены, и мы быстро собрались, так что около часу ночи тронулись в путь-дорогу по указанному нам маршруту. Настроение духа у всех нас было прескверное, мы ожидали для себя всего недоброго. Я засел в экипаж. Ночь была претемная; вздымавшиеся лишь в разных местах, оставленных нашими войсками, кругом красные зарева пожаров своими огненными языками освещали нам мало-мальски дорогу.

Вслед за нами загорелись интендантские склады у южных ворот. Мои смельчаки, что можно было повывтаскать из огня, захватили с собой, как-то: разные консервы, спирт, и даже мирно покоившиеся всю зиму там теплые рукавицы и валенки!

Сзади и справа от нас слышалась беспрерывная ружейная трескотня, что говорило за близость неприятеля. Потихоньку, стараясь быть незамеченными, начали отходить с своих позиций нежинцы и моршанцы.

Восточная стена города *Мукдена*, возле которой мы снаружи следовали, казалась мне бесконечной. Движение наше, особенно выше восточных ворот, все более и более задерживалось и замедлялось, так как на ту же дорогу, по которой мы шли, стали все более и более вливаться с востока отступавшие обозы 6-го корпуса – полковые, артиллерийские парки, госпитальные и арбанные транспорты. Все эти разнородные обозы с находящимися при каждом из них войсковыми командирами то и дело друг с

Рис. 14. Обоз русской армии. 1904 г.

другом сталкивались, стремясь непременно продвинуться вперед остальных. Все мы чувствовали, что за нами, на наших плечах следуют японцы, которые вот-вот нас окружают и отрежут нам путь отступления.

Мне с своим лазаретом нужно непременно сегодня же дойти по Мандаринской дороге до деревни *Пухе*⁶⁰, находящейся к востоку от железной дороги на одной высоте со станцией *Хушитай*⁶¹, верстах в 25–30 севернее *Мукдена*.

Около восточных ворот в середине моего лазаретного обоза, впереди которого я ехал, случилась поломка у одной из повозок, вследствие чего задняя половина его принуждена была приостановиться. В это время втиснулись в нашу линию соседние обозы, отрезавшие, таким образом, переднюю часть моего обоза от задней, при которой оставался мой помощник врач Шешминцев.

⁶⁰Пухе (правильнее Пухэ) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Шэньян провинции Ляонин (КНР).

⁶¹Хушитай – станция Южно-Маньчжурской железной дороги (Китай), ныне станция Цзинхайской (Пекин-Харбинской) железной дороги (КНР).

Стало рассветать. Мы вышли уже на Мандаринскую дорогу. Нас постепенно стали обгонять массы китайцев-рикшей из *Мукдена*, выказывая этим как бы свое нежелание расставаться с русскими, что в испытываемую минуту жизни трудную не могло нас не радовать.

Вдоль Мандаринской дороги и параллельно ей множеством рядов протянулась далеко к северу непрерывная лента обозов всевозможных частей войск. Широкими волнами разлилось людское море. Надсадливо кричали солдатики; скрипели обозы; лязгали артиллерийские повозки с зарядными ящиками. Гудела и дымилась пыльная дорога. Я продолжал ехать в головной части лазаретного обоза, потерявши уже в самом начале движения всякую связь с оторванной и отставшей его частью, затертой где-то там, сзади, среди других обозов. Движение короткое время совершалось еще довольно гладко, даже рысью; некоторые шутники даже весело посмеивались, говоря, что вот-де устроилось для нас и катанье на масленице; а один из коллег так с пафосом декламировал классические слова:

«*Dulce et decorum est pro patria mori!*»⁶² Но чем дальше, тем наше движение становилось беспорядочней и затруднительней. Вследствие образования впереди пробок приходилось все чаще и чаще останавливаться и следовать уже шагом. Каждый из обозов одного ряда, чтобы уйти скорей, стремился продвинуться вперед других – своего или соседнего ряда. Пересекая друг другу дорогу, то и дело повозки одного обоза врезывались в другой. Обозы, таким образом, разрывались, дробились на части и между собой перемешивались. О том, чтобы собрать разорванные и разбросанные части своего обоза в это время нечего было и думать. Мой дивизионный обоз все более и более растворялся и поглощался в общей движущейся массе прочих обозов. Лазаретные мои носильщики, будучи затерты тесными рядами обозов и разбиты на мелкие группы, принуждены были не столько заботиться о сохранении связи с своей частью, сколько о том, чтобы лишь поскорее целехонько пробраться каждому возможно дальше вперед.

Крик, гиканье, ругань людей и беспокойное ржание лошадей адски-диким концертом оглашали воздух, производя жуткое действие на душу. Нервы были все время страшно напряжены от ежесекундного ожидания, что вот-вот тебя опрокинут и сомнут. Нигде не было видно специально назначенных офицеров, которые бы руководили и распоряжались порядком общего движения; те же офицеры, которые сопровождали отдельные обозы, не будучи объединены единством общего командования, вполне естественно старались только как бы скорее свои обозы вывезти из создавшегося хаоса, нисколько не заботясь об участии других.

День был солнечный. Двигались мы все время в каком-то дефиле орудийного огня: палили и справа, палили и слева. Около полудня орудийная стрельба с востока ожесточилась, будучи направляема японцами по пути следования наших обозов – по Мандаринской дороге. Шагах в 400–500 от нее стали рваться шрапнели и шимозы. Это обстоятельство сразу внесло еще большее

расстройство в ряды обозов, сильнее взвинтило нервы отступавших и побудило их еще стремительнее торопиться вперед. Большая часть обозов ринулась с Мандаринской дороги влево. Препятствия для движения стали преодолеваются быстрее и грубее. Множество повозок со всем своим содержимым опрокидывалось, ломались их дышла, оглобли, колеса; калечились люди и лошади. Общей сумятице и погрому много способствовало стремительное и беспорядочное движение артиллерийских парков. Я боялся не шимоз и не шрапнелей, а этой ужасной стихии – паники людских масс со всеми страшными ее последствиями. *Vae, victis!*⁶³ Путь движения нашего превратился в «долину смерти». Но, вероятно, и в аду крошечном у человека не всегда теряется способность восторга красотой: несмотря на наше гибельное положение, я никак не мог оторваться любовными взорами от восхитительных видов феерически живописных местностей, в которых по пути нашего сокрушительного следования ютились великолепные китайские дворцы и кумирни.

Было уже около 3-х часов дня. Добрались кое-как, слава Богу, до деревни, кажется, *Тава*⁶⁴, где решил, по примеру других обозов, немного заприхватить. Я за весь день ничего не ел и не пил; также – и лошади, которые сильно приумаялись. Я остался с несколькими лишь повозками своего лазаретного обоза. Моя повозка с вещами, а с ней и мой Александр, от меня совсем отбились и не известна теперь их судьба. Исчезли также мой вновь назначенный смотритель, его помощник и все врачи лазарета. Из своих со мной остались лишь врач Громбах, с которым я ехал вместе в экипаже, да священник Нежинского полка отец Сергей.

Только что я с своей небольшой командой успел немного хлебнуть чаю да съесть несколько черных сухарей, лошадям же задать ячменю с водичкой, как японцы перенесли обстрел с Мандаринской дороги

⁶³Горе побежденным! (лат.)

⁶⁴Тава (правильнее Дава) – деревня в Маньчжурии (Китай), существовала на территории городского округа Шэньян до 2010-х гг., когда была расселена и снесена в связи со строительством автомобильного завода.

⁶²Отрадно и почетно умереть за отечество! (лат.)

на нашу деревню, в которой уже стали падать и рваться снаряды. Все обозы поторопились сейчас же сняться, спешно потянувшись далее и держась от Мандаринской дороги еще более к западу.

Пыль всю дорогу стояла невообразимая. Стрельба с левой стороны становилась ближе и ближе. Прибыли к какой-то речке, протекавшей по глубокому оврагу. На ужасно крутом спуске к ней и при переправе через нее вброд вследствие образовавшегося затора в движении скопившейся массы обозов произошло особенно много крушений повозок и калечений людей с лошадьми. Переехавши через речку каким-то чудом благополучно на другую сторону оврага, я с миниатюрными остатками своего лазаретного обоза случайно успел втиснуться в обоз штаба нашего корпуса, где шла и почта с телеграфом, и совершенно было успокоился, благословляя судьбу, что очутился все-таки среди своих.

Солнышко уже стало садиться. Вечер почти догорал последними лучами. Орудийная канонада прекратилась, и движение обозов сделалось более упорядоченным. Но вдруг со стороны железной дороги раздался жидкий ружейный залп, за ним послышался второй и третий. Моментально понеслись отчаянные крики обезумевших солдат: «Японский кавалерийский разъезд!» Началось неподдающееся описанию и никакому изображению по своим ужасным размерам смятение потерявших совершенно голову людских масс! Все обозы круто вдруг повернулись в противоположную сторону от выстрелов и стали мчаться вскачь без дороги, поперек полевых борозд, целиной – через ямы, рвы, канавы, только бы подальше уйти от неприятеля... Стрельба на железной дороге через каких-нибудь 10–15 минут прекратилась, но обозы по инерции во взятом направлении к востоку продолжали нестись. Снова ломались и переворачивались повозки, вываливались из них ящики и прочее имущество, рубились построжки ездовыми и обозными, выпрягались поспешно лошади. Люди, сбивая и давя друг друга, кто – бежал, кто, садясь на освобожденных из-под повозок лошадей, опрометью скакал куда попало. Я до хрипоты кричал всем успокоиться, не бежать и остано-

виться, но в таком аду мой голос был [глазом] вопиющего в пустыне. Возле меня верхом на коне очутился ротный командир Болховского полка Кутузов⁶⁵; я убедительно просил его взять на себя команду по водворению порядка в движении, но он на мое наивное к нему обращение только и мог ответить, разведя руками: «А попробуйте-ка покомандовать всеми!» При всем сознании нелепости и безрассудности общего бегства, при сложившихся условиях никак нельзя было проявить своей личной воли, чтоб [не] идти против массового течения и я принужден был так глупо мчаться вместе с другими, куда влекла меня общая волна, так как вздумай хоть на минуту остановиться – и я был бы моментально смят грозным людским шквалом. Я был в положении маленькой щепочки, которая пассивно неслась по капризному произволу расходившихся волн бушующего океана. Предоставивши «свой челн на волю волн», я в переживаемые критические минуты страстно цеплялся за скакавшими рядом со мной моими друзьями-сослуживцами – батюшкой отцом Сергием и капитаном Кутузовым, желая только одного: что, если суждено мне так глупо погибать, то приятно было бы, чтобы это совершилось среди своих, близких мне по сердцу людей. Мчась на крупных рысях во всеобщей сумятице, мы старались предопределить и план своих действий, если бы пришлось нам попасть в засаду к японцам. Кутузов растерянно говорил, что ничего-де теперь не поделаешь с перспективою быть перерезанными; я настойчиво убеждал во всяком случае не стрелять, а безоружными сдаться в плен...

Страшно и подумать, чем бы кончилось дело для нас, если бы, благодаря Бога, вскоре не наступила полная темнота и не прекратилась стрельба, вследствие чего мало-помалу утишилось и взбаламученное море бессмыслия людских масс. Все, кто вышел на Мандаринскую дорогу, ведущую на север, поплелись по ней; я же с тремя сохранившимися у меня повозками дивизионного обоза в компании с врачом Громба-

⁶⁵Кутузов Константин Николаевич (? – ?) – капитан, в 1904 г. командовал 5-й ротой 138-го пехотного Болховского полка, в 1909 г. – подполковник.

хом, капитаном Кутузовым и отцом Сергием были выброшены людской волной на какую-то проселочную дорогу, имевшую направление тоже к северу. Мы все были ужасно измучены и решили хотя часика 2–3 переночевать в ближайшей неизвестной нам деревне, освещаемой издали горевшими перед ней кострами, не вполне первое время уверенные, что эти костры наши, а не японские... Выглянула на нас, несчастных, молодая луна, помогшая нам хоть немного ориентироваться, где мы. Как из земли выросла перед нами какая-то артиллерийская батарея, следовавшая так же, как и мы, в беспорядке, и сопровождавшаяся случайно составленной сборной, а вернее – сбродной командой в количестве около 100 человек из солдатиков разных частей, которые бежали и отбились от своих рот. К указанной группе солдатиков примкнули и мы, чувствуя себя с ними как-то попокойнее в смысле безопасности; но чувство это было лишь наш самообман, так как воочию было видно, с кем мы имеем дело – с воинами совершенно деморализованными, павшими духом и способными от малейшего выстрела прийти в панический ужас.

Среди лазаретных повозок, к несчастью, не оказалось двуколки с денежным ящиком. Какая ее судьба – неизвестно.

Дошли до костров и остановились на окраине какой-то китайской деревни (*Пу-хе?*), где уже расположилась какая-то большая войсковая наша часть. Кое-как разогрели себе чайку, пожевали черного хлеба и повалились на землю отдохнуть. Условились на следующий день чуть свет двигаться вместе. Ночь холодная. Продрог...

26 февраля. Спалось тревожно, так как были основания для опасения, что ночью могут произойти всякие неожиданности. Кругом нас, казалось, рыскали неприятельские кавалерийские разъезды. Нервы же у всех были так расстроены, что при малейшем поводе к подозрению, что «прут японцы», солдатики наши могли открыть беспорядочную стрельбу по своим же. Так они объаты паникой, что обратились в какую-то вооруженную орду. Вчера, говорят, сам Куропаткин водворял в цепь солдат, откуда они малодушно разбежались.

Рис. 15. П.Н. Путилов

Встал я около 3-х часов утра, чтобы побудить нашу смешанную команду к дальнейшему следованию. Но она как-то растаяла; артиллерийская же батарея, с которой мы пришли на бивуак, уже взята на позицию. Оказалось, что мы ночевали возле каких-то резервов, а с нами вместе на одном же бивуаке с частью, составившейся из разного сброда, стоял и генерал Путилов⁶⁶. Было уже 7 часов утра. Всем было известно, что он распяно-пьян, и что его «боятся будить»... Проехал на север крупной рысью с своим конвоем мимо нашего бивуака Бильдерлинг, весьма удрученный, без обычно выраженной в лице приветливости, сухо со мной поздоровавшийся и совсем растерянно бросивший мне на лету несколько бессмысленных вопросов, на которые, если б я и мог, то уж, во всяком случае, не успел бы ответить, так как мигом его и след простыл. В животном страхе за свою участь, потерявши всякую связь с моим развеянным по ветру лазаретом, я был близок к решению тотчас же сесть на коня и ускакать в составе конвоя командующего, но, слава Богу, что я все-таки не простер до такой степени свою центробежность. Было бы очень неловко и стыдно...

Спешно тронулись вместе с каким-то сборным обозом на *Телин*. Сегодня непре-

⁶⁶Путилов Павел Николаевич (1854–1919) – генерал-майор (1904), в 1904–1905 гг. командовал 1-й бригадой 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с февраля 1905 г. – 2-й бригадой 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. В 1911 г. вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Участник Белого движения в Сибири. Расстрелян партизанами в 1919 г.

менно надо быть там, так как японцы сильно насаждают. В руках ни у кого из нас нет ни карт, ни планов. Приходится двигаться днем – по солнышку, а ночью – по Полярной звезде. На перепутьях между разными дорогами вынуждены то и дело быть в положении былинного героя перед вопросом: «Пойдешь направо – коня потеряешь, пойдешь налево – самого тебя убьют...»

Стараясь выехать на Мандаринскую дорогу, мы беспрестанно сбивались с пути по проселкам. Радовались, когда дорога шла к северу, и печалились, когда она принимала направление в сторону.

Беспрестанно происходили заминки в движении обозов и заторы, которые у въездов в деревни и оврагов были особенно губительны и для людей, и для лошадей, и для повозок. Все как-то озверело, и каждому хотелось на узких дорогах, чтобы не стоять, проскочить поскорее другого вперед. Происходили страшные свалки. Полное отсутствие общего надзора за отступавшими массами обозов меня поражало. Куда девались офицеры Генерального штаба, которым, может быть, здесь-то теперь и необходимо было бы быть? На каждом шагу видны наши, российские, дезорганизованность и халатность. Кто повинен в неблагоприятном отступлении всех наших обозов, которые следовало бы двигать и убирать раньше, а не тогда, когда японцы начали полный обход *Мукдена*?!

Выбрались, наконец, мы на «Мандаринку». С самого начала по ней мы стали двигаться в обозе понтонном 25-й дивизии.

Около 9 час. утра пришли в деревню *Илу*⁶⁷. Весьма красивая местность с живописно расположенными кумирнями.

Идем голодные, напившись лишь одного чая, и то из вонючей воды. Осведомившись, что я очень хочу есть, мой конюх предложил мне вынутый из-за пазухи кусочек ветчины (очевидно, откуда-то уворованный); как он ни был отвратителен на вид, но я съел его с удовольствием. Сделали несколько перевалов через горы, неожиданно представшие опять моему взору и навеки, кажется, оставившие в моей душе

какой-то трепетный ужас перед ними со времени наших доляоянских скитаний.

Только лишь утром перед деревней *Илу* раздался один пушечный выстрел; но затем на весь день воцарилась таинственная тишина.

Прибыли около 6 часов вечера в *Телин*. Пыль страшная. Столпление и перемешанность частей войск невообразимые. Взаимная связь между частями совершенно нарушена. Настоящий первозданный хаос!! Солдаты все понурые, измученные, еле волочат ноги. Странное поведение японцев, что они энергично нас не преследуют; ведь, казалось бы, теперь достаточно им было бы пустить в дело хотя два батальона или того меньше, чтобы добить окончательно всю собравшуюся здесь нашу армию – разрозненную, надорванную и совершенно павшую духом. Я оказался «маршалом без армии», так как растерял свое учреждение по клочкам, которые мне необходимо теперь собрать. Озабочивает меня, между прочим, и судьба моего Александра, который следовал при моих вещах в отдельной повозке и скоро же от меня отстал.

Измощенные и насквозь пропитанные пылью, я с отцом Сергием отправились в ближайший Красный Крест, чтобы маломальски подкрепиться пищей и умыться. Выпили рюмку водки, закусил куском ростбифа и напился чаю. Сразу поприободрились. Здесь же мы узнали, что японцы еще числа 19–20 февраля прислали мукденскому тифонтаю наказ, чтобы он к 24-му числу приготовил для их штабов девятнадцать самых лучших фанз, обещая будто бы быть в *Мукдене* 25 февраля и есть русские блины! Интересно, что будет теперь дальше. Говорят, что японцы, пожалуй, больше не будут продолжать военных операций, а предложат дальнейшее решение вопроса Гаагской конференции, предусматривающей в одном из пунктов своего постановления неизбежность заключения мира при том положении, в какое поставлены теперь обе воюющие стороны.

Что теперь творится в России? Увидим ли мы ее обновленной? Все как-то чается, что обновление ее должно произойти неминуемо, несмотря на все препоны реакции. События-то сложились уж очень убе-

⁶⁷Илу – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Телин провинции Ляонин (КНР).

дительными в том, что «так жить дальше нельзя»!

27 февраля. Ночь провел среди скопившихся обозов в своем экипаже. Хотя был укутан в два тулупа, но к утру, тем не менее, сильно продрог. Да и спал-то я, несмотря на страшное утомление, весьма плохо; то и дело просыпался, или видя всякий раз над своей головой фыркающие лошадиные морды, или же слыша пронзительные крики ослов, которые как нарочно сгруппировались возле моей повозки. Вскочил я чуть свет. Мне необходимо было торопиться восстановлением связи с рассыпавшимися частями моего дивизионного лазарета. О собирании в целое энергично хлопотали и прочие начальники войсковых учреждений и частей, все время бегавшие и разыскивавшие своих. Обозы длинной вереницей продолжали подходить к *Телину*. Все это бранные останки претерпленной нами аварии...

Побрел на вокзал, чтобы встретить там кого нужно, и если удастся, то и послать телеграмму домой о том, что Бог меня помиловал, избавивши от плена и смерти. Вся огромная площадь *Телина* представляла собой какой-то грандиозный цыганский табор. Люди, лошади, ослы, порционный скот, повозки, сложенные вещи и проч. – все это было расположено безо всякого порядка, и так компактно, что с трудом через всю означенную массу можно было пробраться. В воздухе стоял дикий гул встревоженного человеческого колоссального улья. Каждый рыскал, отыскивая свою часть. Многие офицеры и солдаты в течение уже нескольких недель не имели никаких сведений о том, где находятся их штабы и канцелярии. Протискиваясь через несметное множество всяких обозов и густую толпу людей, я, чтобы не заплутаться, все время оглядывался на то место, где расположил свой экипаж, стараясь запомнить некоторые ориентировочные точки.

На вокзале увиделся с бывшим командиром Нежинского полка, исполняющим теперь обязанности начальника гарнизона по обороне *Телина*, – полковником Исто-

миним⁶⁸. Он с первого слова спросил меня удивленно: «Так, значит, Вы не в плену, как я слышал?» Узнал от него, что перехвачена телеграмма японского шпиона, сообщающая, что армия центра у русских отступала в полном беспорядке, войска деморализованы – бросают ружья, не хотят воевать, голодны и плохо одеты. Телеграмма, как видно, гласила сущую правду. Еще узнал, что пойман японский шпион, одетый в форму русского полковника, который у Истомина провел всю ночь и много с ним беседовал на текущие злобы дня! Истомин, значит, лишь потом спохватился, кто был его собеседником!

Вокзал кишмя кишел военной публикой. К буфету, чтобы протиснуться, надо было идти на приступ. Кое-как удалось получить микроскопическую порцию кетовой икры за 1 р. 50 коп. и захватить только что освободившийся грязный-прегрязный стакан, который, чуть-чуть лишь сполоснувши, я, мучимый жаждою, вперебой подставил под руку разливавшему чай не то греку, не то армянину. Всех столпившихся у буфета офицеров полковник Истомин самым бесцеремонным образом гнал на позиции.

Пришла радостная для меня весть, что прибыли остатки моего лазарета, расположившиеся за три версты к северу от *Телина*. Двуколка с денежным ящиком еще не приходила; но Александр мой с моими вещами прибыл – весь изорванный, почти полуголый, без фуражки, без сапогов, с кровоподтеками на лице и на туловище. Он оказался, как передают очевидцы, настоящим героем: в момент общей паники под шрапнельным и шимозным огнем, когда двуколка с моими вещами была опрокинута, лошадь же покалечена, тогда конюх, обезумев от страха, бежал, но Александр не потерялся – крича, что-де скорее он умрет, но не отдаст вещей своего начальника японцу, мой Лепорелло ухитрился в общей свалке повозку поднять, вещи все в нее уложить, впрячь в нее какую-то пойманную лошадь, сам сел

⁶⁸Истомин Николай Михайлович (1855–?) – полковник (1894), командир 137-го пехотного Нежинского полка в 1901–1904 гг. Впоследствии – генерал-лейтенант (1913), участник Первой мировой войны. В 1925 г. преподавал в Военно-морском гидрографическом училище в Ленинграде.

за кучера и вот каким-то чудом не только остался жив сам, но и сохранил в целости все мои вещи.

Командир Болховского полка передал лично моему товарищу, что все врачи его полка попали в плен – некоторые же из них, по показанию охотников, приколоты японцами. Последнее, если верно, ужасно! Но буду ждать дальнейших сведений.

Заглянул в Красный Крест, где встретился с корпусным врачом, претерпевшим не менее нашего.

После полудня отправился на соединение с прибывшими остатками лазарета за *Телин*. Проездом через него мне еще раз – и, наверное, последний – пришлось полюбоваться оживленной картиной жизни и красивой обстановкой этого большого китайского города. Случившиеся с нами события, по-видимому, несколько не изменили его обычного вида: та же повседневная колготня, та же бойкая торговля в магазинах, те же улыбающиеся лица китайцев, как и несколько месяцев назад; харчевни так же работали вовсю – пеклись пирожки, блины, варились лапша, пельмени и проч. Пыль стояла невероятная; от нее у нас лица обратились в какие-то серо-землистые маски, а новые платки – в грязные портянки. Нашел своих лазаретных сослуживцев, расположившихся на северной окраине города в одной жалкой фанзе; но и она нам показалась благодатью, так как здесь можно было всем нам пообогреться. Скоро прибыли врачи и сестры милосердия какого-то госпиталя из другой дивизии, просившие у нас приюта. Устроили чаепитие, и для закуски вынули все скудные припасы, какие у каждого лишь остались. Уж вечерело. Мы все лелеяли надежду ночь провести покойно и достаточно выспаться. Начали было вповалку раскладываться: кто на канах, кто прямо на полу, подстлавши для мягкости гаолян. Но часов в 9 вечера к нам неожиданно прибыл начальник дивизии. Он, бедный, как пьяный, еле держался на ногах вследствие ряда бессонных ночей и прочих невзгод. Еле-еле плетущимся языком, прежде всего, спросил нас, не знаем ли мы, где теперь находятся его адъютанты и начальник штаба, с которыми он совершенно потерял связь, а затем, обратясь ко мне, про-

сил немедленно же сниматься и следовать спешно на *Кайюян*⁶⁹, за 30 верст по Мандаринской дороге к северу. Немного закусивши с нами, принципал мой в полном снаряжении, совсем не раздеваясь, моментально свалился, как сноп, и, захрапевши, крепко заснул. Часа через 1 ½ он вскочил, как встрепанный, и уже стал настаивать, чтобы я с лазаретом ночью же торопился выехать из этого района укреплений. Все мы не меньше принципала были утомлены, но, скрепя сердце, нужно было выступать. Все обозы уже двигались. Замечалась опять страшная суматоха, и нервы снова у всех напряглись. Возвратилась всеобщая тревога, что японцы могут нас отрезать. Чувствовалось всеми, что неприятель, если и не идет за нами по пятам, то уж энергично пробирается с боков, грозя нам отходом.

В час ночи выступили. Было очень темно и холодно. Небо заволочлось тучами, и путеводная Полярная звезда нам не светила... Старались отступать поспешным аллюром, но и кони, и, особенно, люди, сильно измороженные, едва-едва тащились.

Масса случаев с заболеваниями хрипотой и полной потерей голоса, а также воспалением слизистой оболочки глаз с сильным слезотечением.

28 февраля. Первый день Великого поста и день моих именин. Все идем и идем к северу, составляя звено бесконечной цепи обозов. Уже около 8 часов утра. Сильный, пронизывающий до костей, северный ветер. Я озяб даже под двумя тулупами. Весь день продовольствовались на небольших привалах лишь всухомятку. Ехали и мечтали, как бы мы были счастливы, если бы удалось нам заночевать хоть в какой-нибудь завалящей землянке, только бы не на открытом воздухе, в холоде.

Прибыли к месту назначения, когда солнышко уже садилось. Кажется, что и людям, и лошадям удастся сегодня и подкормиться, и поотдохнуть. Выхлопотал для себя и «своего штаба» отвести на ночь одну землянку, в которой довольно тесно помещалось 8 солдатиков интендантской ко-

⁶⁹Кайюян (правильнее Кайюань) – станция Южно-Маньчжурской железной дороги (Китай), ныне город и станция Цзинхайской (Пекин-Харбинской) железной дороги (КНР).

манды. Здесь я и спраздновал свои именины, угостивши сослуживцев хранившимися у Лепорелло на сей случай бутылкой мадеры и бутылкой красного вина. Позакусили консервами, напились чаю и поторопились лечь спать, чтобы завтра часов в 7–8 утра тронуться в дальнейший путь все в том же направлении к северу. Ни канцелярии моей, ни двуколки с денежным ящиком до сих пор еще не прибывало. Не оказывается у меня в лазарете пока и двух походных кухонь, которыми он был снабжен. Недосчитывается и значительная часть консервов. Подсчета всем потерям подвести пока нельзя вследствие непрерывности нашего движения. Известно лишь, что несколько купленных голов скота было порастеряно, но зато наши солдатики уже успели забрать от китайцев вдвое большее их количество...

Передают много нехорошего о том, как наши не только солдаты, но и офицеры, и даже в больших чинах, при отступлении из-под *Мукдена* малодушно, обезумев от страха, бросались в перегруженные ранеными санитарные поезда на их ходу, друг друга тесня и сталкивая, за неимением места в вагонах карабкаясь на их крыши, на тормоза, на самый паровик.

Вижу, что наши солдатики до сего времени находятся еще под влиянием охватившего их страха перед японцами, которых многие из них стали уже называть так, как в деревнях у нас крестьяне иногда выражаются о черте, о домовом, о лешем – коротко и таинственно: «ён»!

Узнали о прискорбном факте, что инспектора госпиталей Тимофеева⁷⁰ прикололи свои же солдаты, припавшие при отступлении из-под *Мукдена* к брошенным запасам разлитого спирта для питья, когда он вздумал было водворить среди них порядок. Я начинаю страшно бояться толпы – этого самого ужасного зверя на свете...

1 марта. Наступили «мартовские иды». Спали в отведенной нам любезно дыре, как убитые. Проснулся в 6 часов утра и разбудил своих сослуживцев, чтобы, напившись чаю, двигаться дальше к северу за 27–30

верст, на станцию *Чантофу*⁷¹. Движение совершаю по собственной инициативе, без предварительного сношения со штабом дивизии, связь с которым никак еще не могу установить. По слухам, японцы уже под *Телином*. Александр мой резко изменился в своем нраве – возымел смелость грубо мне отвечать и возражать, но я ему все прощаю за его доказанную неподкупную мне преданность; нервность же в его характере объясняю влиянием пережитой им нервной встряски.

Выступили около 8 часов утра. Погода солнечная, превосходная, но морозная. Приятно сознавать, что движемся к северу, и все время возле линии железной дороги, все более и более вылезая из слепого мешка, в который нас заключили японцы.

Начали доноситься отдаленные раскаты орудийной канонады, которой совсем не слышалось последние два дня. Солдаты, обращаясь к своим товарищам, многозначительно произнес: «Опять выстрелы – приблизился ён». Следовали сначала в обозе 3-й армии, а потом с большим трудом продвинулись в общую колонну. На пути нас перегоняли мчавшиеся на север поезда. Так приятно было видеть белый дымок паровозов и слышать их пыхтение и свистки! Не так уж высоко над головой пролетела большая стая гусей, своим криком глубоко хватившая меня за душу. «Переводятся в Расею!» – указывая на них, говорили солдатики.

От всей испытанной передраги начал опять чувствовать свое сердце. Ах! Как хочется мне еще жить и жить! Только теперь у меня, кажется, на все открываются глаза, и я все начинаю осмысливать! Культурное значение войны несомненно...

Около 9 часов вечера, не доходя станции *Чантофу*, в 2 верстах от нее, остановились в паршивенькой китайской деревушке на ночлег. Попали в грязную, вонючую фанзу. Напившись чаю и закусивши, чем Бог послал, залегли на каны. Как ни утомлены были солдатики, а нужно было распорядиться о приставлении возле нас некото-

⁷⁰Тимофеев Владимир Михайлович (? – 1905) – генерал-майор, инспектор госпиталей 3-й Маньчжурской армии. Умер от ран 21 июня 1905 г.

⁷¹Чантофу – станция Южно-Маньчжурской железной дороги, ныне поселок Чанту в городском округе Телин провинции Ляонин (КНР).

рого караула на случай нападения если не японцев, то хунхузов.

Офицеры как бы с чувством обиды говорят по адресу врачей, что-де им уж слишком много в сравнении с ними дается наград. Да и вполне справедливо, если это только так! Ведь врачи свое дело сделали и делают как следует, несмотря на все ненормальные условия, создаваемые им офицерами же, только лишь высшей марки. Офицеры же пускай-ка свое дело еще сделают! А пока, чем неудачнее были наши боевые дела, тем более работы выпадало на долю врачей! Да как же после этого их больше не вознаграждать?

Полная неизвестность относительно совершающегося кругом нас в 1-й и во 2-й армиях.

С пеной у рта ведутся у меня в лазарете между коллегами бесконечные споры относительно исхода кампании: большинство, к которому примыкаю и я, смотрит на военные дела наши весьма пессимистически, и лишь двое оказываются оптимистами, верящими еще в торжество русского оружия.

2 марта. До 2-х часов ночи спал крепко, но потом – весьма тревожно. В отвратительных канах, на которых мы, тесно прижавшись друг к другу, лежали, оказалась масса всякой ползающей твари; копошилось еще и пищало под нами великое множество крыс и мышей. Из сотоварищей то тот, то другой ночью кто кашлял, кто охал, кто громко разговаривал во сне, а кто в кошмаре прямо-таки вскакивал, бессмысленно хватаясь за соседа. Нервная система у всех, очевидно, событиями последних двух недель была страшно взбудоражена. Я себя чувствовал и физически, и душевно совершенно разбитым, испытывая сильнейшее сердцебиение. В голову лезли неотвязно самые мрачные думы; сильно угнетала меня забота, как-то мне теперь придется реставрировать разбитый лазарет, лишившийся большей части своего инвентаря. Наконец, в полусне-полуяви представилась мне моя покойная мать, такая озабоченная и печальная, как будто меня благословлявшая...

Мои разведчики донесли мне, что у станции *Чантофу* находится обоз штаба дивизии, где пребывает начальник его пол-

ковник Пукалов в ожидании своего отпуска в Россию. Немедленно же отправил через него полевую записку начальнику дивизии с извещением, что я с лазаретом остановился в 2–3 верстах к югу от станции и, пользуясь предполагаемой дневкой, занят разборкой и приведением в известность наличия оставшихся у меня после погрома людей, лошадей и прочего инвентаря, обещая о результатах подробно донести рапортом особо, с представлением положенных актов, и прося дать мне инструкцию касательно дальнейшего следования и способов скорейшего пополнения утраченного имущества, а также – снабдить меня, чтоб не идти ощупью, соответствующим маршрутам планом, картой. Пропала у меня вся канцелярия; остался лишь небольшой флакончик чернил, немного перьев и бумаги. Самого же полковника я просил сообщить мне, где теперь начальник дивизии и наши полки. К великому нашему благополучию нашлась другая, уже чистенькая фанза, куда мы и поторопились переселиться. После четырехдневного лишения мы только сегодня имели возможность поесть горячей пищи – супа с уцелевшими макаронами, хотя и насквозь пропитанного дымом. Належись досыта, и на душе у всех повеселело. Солнечный, прохладный день, перерыв в безостановочном движении и окружающая тишина тому немало содействовали. Но мы были очень утомлены и разбиты, чтоб не прилечь после обеда на каны. Оказалось, что я заснул так крепко, как никогда в жизни, и меня чуть не ворочали, и я ничего не чувствовал, похрапывая во все завертки. Проснувшись, вымыл себе горячей водой с мылом голову, вытерся смоченным в спирте концом полотенца от налипшей на мне толстым слоем грязи и переменил белье.

Хорошо, что вчера мы не прошли до станции, где творится теперь целое столпотворение, а расположились несколько поодаль от нее – особняком. Продолжающиеся по ночам сильные морозы делают весьма затруднительным расположение войск в открытом поле.

Пристал к нам один китаец-переводчик, убедительно просящий нас взять его с собою, боясь попасться японцам, которые всем китайцам, услуживав-

Рис. 16. В.П. Кравков в тарантасе. Сентябрь 1905 г.

шим русским, рубят головы («контрами»). Надо об этом посоветоваться с принципом. Провели несколько пленных японцев, вместе с ними и попавшихся нам наших перебежчиков, которых японцы ставили у себя в строй.

Гекатомбы, принесенные в жертву молоху войны за последние бои, подсчитываются с нашей стороны до 100 тысяч человек убитыми и ранеными.

Наступила ночь – вожделенная лунная ночь, когда всякие переходы представляются не так страшными, как при полной тьме.

Сообразивши сегодня как следует, вижу, что я с своим лазаретом из-под Мукдена до Телина в течение каких-нибудь 1½ суток совершил настоящий «суворовский переход», промахавши более 80 верст.[...]

3 марта. Спали все крепчайшим сном. День солнечный, тихий, морозный. Повидимому, простоим здесь еще до завтра. Слава Богу! Разбираемся в своих утерях, а последние – очень порядочные. Не знаю, что предпринять, за что зацепиться. Скоро и авансовые деньги на руках выйдут.

Вышел в поле. [...] По дорогам тянутся вереницами обозы отступающих армий.

Громко слышится кругом крепкая русская брань да циничные издевательства еще более одичавшего здесь, на войне, нашего солдата над проходящими мимо китайцами, которым посылаются с гоготанием и смехом в виде приветствия скверные слова «ломайло», «контрами» и т. п. Я сел поодаль на пне, погруженный в печальное раздумье и безотрадные размышления. Подошла ко мне, как к «большой капитана» группа несчастных китайцев с жалобой на творимые над ними нашими солдатами обиды. Распорядился, чтобы смотритель мой с помощью переводчика разобрался, в чем дело, и китайцев удовлетворил. На сердце же у меня было так грустно, так тяжело.

Приехал старший врач Нежинского полка Безпалец⁷² и, рыдая, передал, что старший врач Болховского полка Пистерман⁷³, по показанию охотников, заколот

⁷²Безпалец Сергей Дмитриевич (? – ?) – старший врач 137-го пехотного Нежинского полка в годы Русско-японской войны.

⁷³Пистерман Петр Алексеевич (1866–1940) – надворный советник, в 1904–1905 гг. – старший врач 138-го пехотного Болховского полка. В советское время жил и работал в Москве.

японцами, остальные же врачи этого полка попали в плен. Нежинский, Болховский и Моршанский полки, все истрепанные и численно весьма поредевшие, стоят сейчас в *Сантайдзы*⁷⁴, недалеко от *Кайюяна*. Настроение духа у всех весьма угнетенное. Масса офицеров подает рапорты о болезнях. Начальник дивизии обезумел. Его начальник штаба – в предмукденский период неистовый, а теперь смиренный-пресмирненный, болтается не у дел и, находясь в обозе, с нетерпением ожидает своего отъезда в Россию. Исправляющий его должность капитан Генерального штаба Незнамов намерен зарпортоваться тоже больным. Вести приходят все неутешительные. Вера в военачальников наших, потерявших головы, окончательно пала. Боязно стало полагаться на распоряжения их, ставящие и нас, врачей, в наипакостные положения, когда приходится нам уходить последними безо всякой охраны. Солдаты наши утомлены, изнервничались и одержимы японофобией: от одного мнимого японского выстрела уже приходят в трепет... Передают, что в *Мукдене* осталось 1200 раненых с несколькими сестрами милосердия и уполномоченным Красного Креста Гучковым⁷⁵, которые все будто бы китайцами перерезаны. Над нами нависла еще какая-то новая катастрофа. На душе прескверно, как у приговоренного к смерти, но... но... еще живущего надеждой на помилование. Стали часто меня беспокоить сердцебиения и болезненные замирания сердца... Неужели и теперь находятся негодяи, осмеливающиеся докладывать государю, что войска наши бодры и рвутся в бой с врагом?! Войска – как мне близко приходится видеть – совершенно деморализованы! В этом надо иметь мужество признаться! Пишу на корточках за невоз-

можностью располагать большими удобствами – под огарок свечи и шумные разговоры моих сожителей, которые постоянно о чем-нибудь да спорят.

4 марта. Ночь проспал весьма тревожно, в чем немалую роль, кроме причин морального свойства, сыграл и горячо раскаленный кан, на котором я лежал. Рано высоты окрасились пурпурово-фиолетовым цветом зари. Солнышко живописно выплыло из-за гор; день установился светлый и теплый. По дороге стоят сплошные столбы пыли. То движутся все обозы отступающих войск. Доносится оттуда крик, гиканье, ржанье – вся эта дикая смесь звуков, памятная с 25 февраля и приводящая меня положительно в трепет при одном лишь предположении, что, может быть, и еще придется пережить тяжелые минуты первого дня нашего мукденского отступления. Окружающая нас обстановка все еще удручающая; не надеемся мы из нее выйти целыми и невредимыми. Чувствуем мы себя как бы сидящими на разьединенных обломках разбитого корабля, беспомощно носящихся по капризным волнам бушующего еще океана... Каждый из нас как будто предоставлен сам себе. Не видно все объединяющей и направляющей руки. Никто из штабов не интересуется пока узнать, где кто находится, чтобы войти во взаимную связь. Мои сожители обнаруживают повышенную нервную раздражительность, а многие из них стараются уйти от кошмарной действительности в сон.

Все армии отступают; наша же должна отходить последней, прикрывая отступление 1-й и 2-й армий, составляя арьергард всех сил. *Телин* уже занят японцами, и они от нас совсем недалеко.

Передают, что Куропаткин уезжает для объяснений в *Петербург*, и временно исправлять его должность будет Линевиц, который только что проследовал мимо нас. 5-й и 10-й стрелковые полки будто бы целиком, со знаменами, передались японцам. Кроме болховских врачей попали в плен и врачи Тамбовского полка⁷⁶. Между врачами есть раненые.

⁷⁴Сантайдзы (правильнее Сантайцзы) – деревня в Маньчжурии (Китай), ныне в городском округе Телин провинции Ляонин (КНР).

⁷⁵Гучков Александр Иванович (1862–1936) – помощник главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурских армиях, уполномоченный города Москвы и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны в 1904–1905 гг. Впоследствии – председатель III Государственной думы в 1910–1911 гг., военный и морской министр Временного правительства в марте–мае 1917 г.

⁷⁶10-й пехотный Тамбовский полк.

Предполагал было проехать к начальнику дивизии в *Саймадзы*, верст за 30 к югу отсюда, переговорить о нашем горемычном положении, но раздумал. Из-за массы движущихся обозов к нему теперь и не доберешься, а от своего лазарета рискуешь совсем отбиться, так как с часу на час он может быть вынужден к отступлению. Да, кроме того, я уверен, что ни до чего мы с ним в настоящий момент и не договорились бы; сам вижу, что надо пока идти и идти на север...

5 марта. Стоим своей кочевкой все под станцией *Чантофу*. Тишина кругом паразитическая. Говорят, ночью невдалеке слышалась ружейная стрельба. Движение обозов сегодня поприуменьшилось.

Позиции нашей дивизии расположились верстах в 20 к югу от *Сантайдзы* и на одном уровне по соседним деревням. Неподалеку от *Сантайдзы* расположились штабы дивизии и корпуса.

Получен маршрут поступательного ежедневного отхождения войск 3-й армии к *Гунчжулину*⁷⁷.

Продолжаю заниматься разборкой оставшегося после погрома имущества лазарета и приведением в некоторый порядок расстроенной его материальной части. Подтягиваются мало-помалу считавшиеся было утерянными повозки с разными вещами; между последними пришла наша самодельная кухонька, столовая посуда, по пути захвачены были даже три курицы, якобы никому не принадлежащие, но канцелярии и двуколки с денежным ящиком все еще нет как нет. Сделал попытку привести в известность оставшееся в полках и артиллерии наличие врачей, фельдшеров, перевозочных и перевязочных средств и проч.

«Штыков» в Нежинском полку осталось около 2000, в Болховском – около 800, в Моршанском – 1100, и в Зарайском – около 2500. О судьбе врачей Болховского полка точных сведений еще не имеется.

Я лично из погрома вышел более благополучно, чем дивизионный врач 3-й дивизии, оставшийся почти безо всего – в од-

ном лишь белье и даже без сапог! Взята японцами из наших армий масса орудий; пленена целая артиллерийская бригада (Любовицкого?) Сожжены многомиллионные склады с интендантским имуществом. Пропало на несколько миллионов рублей сумм из денежных ящиков разных частей и учреждений.

Не прекращаются тревожные слухи, что японцы энергично идут с флангов и готовят нам обход далеко в тылу – под *Гунчжулином*, а то и под самым *Харбином*⁷⁸. Унесли бы нас благополучно через это расстояние угодники Божии! Мои пессимисты уверены, что мы из этой проклятой Маньчжурии не выйдем живыми. Душевное настроение у нас подавленное, хотя как будто и не в такой острой степени, как несколько дней назад. Ах! Как тяжело становится видеть всю эту чуждую обстановку, и как бы хотелось теперь послушать у себя на родине великопостное «помощник и покровитель бысть мне во спасение»! Но ведь пройдет же когда-нибудь и это безвременье; надо терпеть до конца. Моя публика побуждает меня начать движение сегодня же, а то слышались выстрелы с севера; но я отложил – до завтра, хотя по сведениям штабы дивизии и корпуса уже двигаются; передовые же позиции наши верст за 18–20 к югу, которые должны быть очищены лишь по проследовании всего обоза, защищаются малонадежными силами, весьма ослабленными физически и морально, да еще значительно поредевшими численно. Того и гляди, что эти силы не удержатся и отступят раньше, чем мы успеем убраться.

Пока имеем возможность есть черный хлеб, весьма отрубистый; и то – хорошо. Команда же получает в день вместо хлеба по фунту сухарей.

⁷⁷Гунчжулин – город в Маньчжурии (Китай), ныне городской уезд городского округа Сыпин провинции Гири (КНР).

⁷⁸Харбин – город в северо-восточном Китае, основанный в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги. С 1901 г. являлся штаб-квартирой Заамурского пограничного округа Отдельного корпуса пограничной стражи русского Министерства финансов, созданного на базе Охранной стражи КВЖД. Имел русскую и китайскую администрации. Ныне – город субпровинциального значения, административный центр провинции Хэйлунцзян (КНР).

Послал коротенькое письмо домой с бюллетенем о своем здоровье; но дойдет ли оно при такой каше – вопрос. На всякий случай буду посылать почаще, авось из десяти хоть одно, да дойдет. [...]

Залегли спать. Но я плохо спал от сознания опасности нашего положения, тем более что всю ночь слышался крик людей и лязг повозок.

Ночь лунная. Я вышел на воздух. Было уже 12 часов. Прошла 72-я парковая бригада, тянется 37-я пехотная дивизия; забивуакировал Царицынский полк⁷⁹. Нашей дивизии еще не видно.

Статья поступила 01.08.2015 г.

⁷⁹146-й пехотный Царицынский полк.

Библиографический список

1. РГБ, НИОР, Ф. 140 Кравков Василий Павлович.
2. Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014.
3. Узбекова Д.Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2014.

Сведения об авторе

Российский Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, советник Первого Европейского департамента МИД России, 119200, Россия, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34, МИД России, тел.: +7(499)244-41-62, e-mail: rossiyski@list.ru

Rossiyskiy Mikhail Anatol'evich, PhD, counselor of the First European Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya sq., 32/34, tel.: +7(499)244-41-62, e-mail: rossiyski@list.ru